

Из дневника 1957 года

Р. Г. Назиров

1957

Хрущев: «Тезисы по вопросу о реорганизации управления промышленностью были опубликованы в нашей печати 30 марта 1957 года, и с тех пор они повсюду широко обсуждались в Советском Союзе»

Кэтледж: «не обсуждался ли этот вопрос до опубликования тезисов?»

Хрущев: «В партийном порядке план реорганизации управления промышленностью обсуждался на февральском Пленуме ЦК КПСС. Февральский Пленум ЦК признал необходимым опубликовать тезисы о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в печати, и с тех пор, как тезисы были опубликованы, их обсуждение проходило буквально на всех заводах, в колхозах, учреждениях, воинских частях. Все многомиллионное население нашей страны обсуждало эти тезисы. Должен сказать, что этот вопрос вытекает из решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза».

Кэтледж: «Меня очень интересует вопрос о порядке принятия решений руководящими органами в Советском Союзе, какова процедура принятия решений, которые становятся выражением взглядов коллективного руководства в Советском Союзе? Регулярно ли собирается Президиум ЦК КПСС? Как принимаются там решения? Ведутся ли протоколы заседаний Президиума? Бывают ли на заседаниях Президиума столкновения различных мнений?»

Хрущев: «Президиум ЦК КПСС заседает регулярно, не реже одного раза в неделю. Кроме того, не реже одного раза в неделю собирается Совет Министров СССР. Пленумы ЦК КПСС созываются у нас не реже раза в год.

При рассмотрении вопросов на заседаниях Президиума ЦК чаще всего высказываются различные точки зрения, так как члены Президиума стремятся как можно глубже изучить обсуждаемый вопрос. В ходе обсуждения члены Президиума приходят, как правило, к единой точке зрения. Если не удастся прийти по какому-то вопросу к единой точке зрения, то этот вопрос решается простым большинством голосов.

Бывают, конечно, такие вопросы, по которым разгораются жаркие споры. Это естественно при демократическом порядке обсуждения.»

Далее Хрущев очень прозрачно намекнул, что югославские деятели — «лжекоммунисты», но отказался назвать имена. Хрущев сказал, что реорганизация управления промышленностью будет закончена к 1 июля, а может быть, и раньше.

Присутствующий там У. Джорден вставил один-единственный вопрос: «Среди министерств, которые должны остаться после реорганизации управления промышленностью и строительством, имеется Министерство среднего машиностроения. Высказывалось предположение, что это ваше министерство равнозначно комиссии по атомной энергии в США. Не можете ли Вы сказать, соответствует ли это действительности и будет ли в этом случае М. Г. Первухин занимать такой же пост, какой занимает в США адмирал Страус?» Хрущев ответил: «Возможно, что это и так, но я, право, не знаю, какими делами конкретно занимается у вас адмирал Страус».

Главное в этом интервью — это мысль о необходимости достижения договоренности между СССР и США. На Западе кричат, что Хрущев стремится расколоть «свободный мир».

28 мая. Вторник. Витька устроился на работу в научно-исследовательский институт сельского хозяйства. Это работа разъездная, все время в командировках, деньги хорошие.

Феликс устраивает свадьбу в июне.

На Тайване чуть не разразилось антиамериканское восстание. Американский сержант Рейкольдс преднамеренно застрелил тридцатитрехлетнего китайского рабочего. В Тайбэе (столица острова) начались демонстрации протеста в связи с оправданием Рейкольдса. Огромные толпы китайцев разгромили американское посольство, выбили окна, расшвыряли пишущие машинки, сломали мебель и пустили по ветру бумаги. Избивали американцев, переворачивали американские автомобили. Там введено осадное положение. Каша заварилась!

В этом году у нас будет засуха. Солнце печет, после нежной зимы почти нет осадков. Озимые начали желтеть. Если будет засуха, Хрущев будет смещён.

У меня вышла рецензия на кинофильм в «Ленинце». Против обыкновения, почти ничего не испохабил. Только вместо «цельности авторского замысла» напечатали «ценности авторского замысла».

Комары появились. Мух мало. Солнце жжёт. Выпало за всю весну два ничтожных дождичка, едва смочивших пыль. Дуют горячие ветры, и очень душно.

Фадеев, убийца Светланы Гарис, долгое время симулировал сумасшествие. Защита утверждала, что он невменяем. Экспертиза опровергала. В зале суда он принял большую дозу люминала. Его вылечили, вновь назначили слушание дела. Уже в здании суда, перед началом процесса, Фадеев ударом головы об стену проломил себе череп. Сейчас он в больнице, у него воспаление мозговых оболочек.

Много шуму наделал в городе закрытый процесс о коллективном изнасиловании. Жертва — шестнадцатилетняя дочь Лутфуллы Исхаковича Якупова, фотографа «Ленинца», девушка преждевременно созревшая и, короче, уже до этого не девушка. Преступники — семнадцать или девятнадцать подростков, жившие с ней в одном дворе — в так называемом Доме специалистов по улице Ленина, 2. Этот двор известен своим запрятанным развратом. Среди мальчишек были сыновья видных людей, поэтому процесс был закрытый. Деталь: ко-

гда насильовали, один стоял с хронометром и считал время. Каждому давалось две минуты, чтобы успели другие. Мальчики торопились.

Суд приговорил самого старшего к восьми годам, другим — различные сроки. Приговор кассирован, дело перешло в Верховный суд.

Сейчас Уфу чистят и прибирают, срочно мажут, асфальтируют, чинят прокладывают трубы и т.д. 16 июня в Уфе будет проводится праздник: 400 лет добровольного присоединения Башкирии к России. Ожидают кого-нибудь из вождей и заграничных гостей.

В Москве тоже идет чистка и стирка: готовятся к Фестивалю. Боятся эпидемий (во время прежних фестивалей были вспышки не то в Варшаве, не то в Праге). Всех детей до 16 лет на время фестиваля вывезут из Москвы, врачам же — всем лицам с медицинским образованием — запрещают выезд. Говорят, что студентов массами шлют на целину — поработайте, пока не уедут заграничные друзья. Чтобы не было нежелательных разговоров и откровенного обмена мнений.

У меня в пятницу первый госэкзамен. Я к нему еще не готовился. Настроение отчаянное. Ладно. Как-нибудь выкручусь. Все равно, ниже земли мне падать некуда.

4 июня. Вторник. Первый госэкзамен сдал на «хорошо». За «Необыкновенное лето» мне выписали 120 рублей. «Ленинец» дал 2 моих кинорецензии подряд. После «Необыкновенного лета» следующая рецензия была на «Танковую бригаду» (чехословацкий фильм, очень слабый). Дали рецензию под псевдонимом: О. НАУМОВ. Тоже ничего рецензия. А моя рецензия на «Необыкновенное лето» понравилась многим.

6 июня. Четверг. Анекдот. «1937-й год. — Здравствуй, Хаим, ты слышал новость? Барселону взяли. — Что ты говоришь, Арон! А где он работал? — Да нет же, Хаим, Барселона это город. — Нечего сказать, дожили: уже целыми городами начали хватать». Простая игра слов, но хорошо передает обстоятельства эпохи.

В «Правде» появилось фото: Булганин гуляет в каком-то парке в обществе Михаила Шолохова и его супруги. Значит, неправда, что Шолохов женился на молоденькой: на фото женщина его лет. Сейчас Шолохов с супругой гостят в Швеции где его принимают с большим почетом и называют великим русским классиком прямо в глаза. Старику скоро начнут ставить памятники при жизни.

Хрущев выступил с большой беседой по американскому телевидению и, кажется, понравился американцам.

«Ленинец» напечатал мою заметку об одном техникуме под заголовком «Развлечения, не предусмотренные в плане работы».

12 июня. Среда. Газеты сообщили о скоростижной смерти поэта Луговского. Я любил его стихотворение из антологии. Начиналось так:

Дым папиросный качнулся, высох и загустел
Частокол британских винтовок криво стоял у стен

Кланяясь, покашливая, оглаживая клок бороды
В середине табачного облака сел Иган-Берды.

Описывается допрос курбаши (атамана) басмачей. За его спиной, прислонясь щекой к штыку своей винтовки, стоит молодой тракторист с воспаленными от бессонницы глазами. Он участвовал во взятии шайки. Он смотрит на жирный завтрак басмача. Стихотворение кончается словами:

За сорванную посевную, за сломанные его труды
Совсем небольшая расплата — затылок Иган-Берды.

Мне жаль, что умер Лозовский.

А на другой день после него умерла в возрасте 45 лет певица Куляш Байсеитова. Ее хвалил еще старик Джамбул. Я очень любил слушать в исполнении Куляш чудесный «Казахский вальс». Он вызывал у меня чуть ли не слезы. Я очень жалею также и о смерти Куляш.

Первого секретаря башкирского обкома КПСС Игнатьева сняли и перевели в Татарию. Говорят, что причиной тому волнения весной у нас на ПРЗ. Там рабочие начали митинговать: масла нет, молока нет, мяса нет, в магазинах одни консервы, а тут еще сильно повысили расценки. Секретарь обкома Янгиров приехал успокаивать, его погнали: давай мол самого Игнатьева! Приехал Игнатьев, начал разъяснять, прижимать руки к сердцу: «Все будет, сейчас, скоро будет, потерпите немного!». А рабочие ему кричат: «Товарищ Игнатьев, мы раньше вас в партию вступали, мы знаем! Все до сих пор одно и то же — потерпите, вот-вот будет. . . Вы нам дайте что-нибудь сейчас, фактически дайте!». Чуть не избили, говорят. Тотчас устроили на заводе закрытый распределитель, с питанием стало лучше. Попритихло. А Игнатьева перевели с понижением. Первым секретарем будет Нуриев. Башкиры очень довольны, русские-нет.

16 июня празднуется 400-летие присоединения Башкирии к России. Уфу украшают и чистят. Приехала румынская делегация. Будет кто-то из ЦК.

Сейчас радио передало: Английская газета «Дэйли Экспресс» припомнила историю четырнадцатимесячной давности — дело подводного шпиона Лионеля Крэбба, который исследовал конструкцию корпуса крейсера «Орджоникидзе» в Портсмутском порту. Всем уже известно, что капитана Крэбба уничтожили наши. Но вот «Дэйли экспресс» добавляет важную деталь: она заявляет, что Крэбб работал от американской разведки.

15 июня. Суббота. Вечером. Сегодня на Советской площади состоялся митинг, посвященный четырехсотлетию. Шверник вручил Башкирии второй орден Ленина. Орден за выслугу лет, так сказать. Игнатьев еще был на митинге, но он уже покидает Уфу, будет первым секретарем в Татарии. У нас первым секретарем обкома стал Нуриев.

Снова в Уфу приехал Валентин Георгиевич Морозов, был и у нас, мы с ним хорошо поговорили. Он тоже говорит, что официальная версия о причинах самоубийства Фадеева

не соответствует действительности. Фадеева оклеветали. Алкоголики с собой не кончают. Фадеев, рассказывают в Москве, оставил завещание, письмо в ЦК, что его замучила совесть, что он был причиной гибели в 1937 г. многих писателей, что он переживал душой, переделывая «Молодую гвардию» и т. д.

Мне рассказывал один товарищ, что в Чкалове Маленков выступал перед рабочими. Рабочие говорят ему: «Вот, дескать, обложили налогом свиней и коз в городе, чтобы мы их не кормили хлебом, обещали продавать молоко. Мы коров, коз, свиней порезали, а молока в магазинах нет». Маленков не ответил. Ему нечего было отвечать.

В народе не любят Фурцеву. Управлять государством — не дело красивых женщин. О ней в прошлом году рассказывали анекдот (дело было в Ленинграде). Она где-то выступала, опять-таки перед рабочими. Ей задали вопрос: «Сколько вы зарабатываете?» — «Двадцать пять тысяч». «Сколько зарабатывает товарищ Фирыбин?» — Это ее муж. Опять она называет крупную цифру. «Сколько у вас детей?» — «Один ребенок» — «А я зарабатываю восемьсот рублей, у меня четверо детей. Нам с вами не о чем разговаривать». По одной версии это говорила простая работница, по другой — старый большевик, рабочий.

Месяц назад в Ленинграде произошел скандал международного значения. На футбольном матче какому-то пьяному удалось, минуя бдительность милиции, выйти на поле. Он подошел к вратарю и стал, пылко жестикулируя, что-то втолковывать ему: плохо, мол, стоишь. Два милиционера под общий смех поволокли его с поля; он упирался; милиционеры прибегли к приемам самбо, пьяный упал. Когда он поднялся, стадион увидел на его лице кровь. Раздался шум, крик, свист. Два человека перепрыгнули на поле, бросились на выручку, и один из них ударил милиционера. На помощь двум поспешило еще несколько милиционеров, с трибун сбегала еще одна группа добровольцев. Началась каша. Подкрепления прибывали с той и с другой стороны, но силы были неравными. Драка росла как снежный ком. Милиционеров забивали в землю. По радио (это было на огромном стадионе имени Кирова) начали вещать: «Товарищи, что вы делаете, вы позорите наш Ленинград, колыбель революции!». Призывы к сознательности ленинградцев не имели успеха. «Коммунисты и комсомольцы, выйдите на поле и прекратите безобразие!». Новая лавина хлынула с трибун. Теперь уже начали бить друг друга. «Товарищи военные, почему вы сидите, остановите драку!». Еще одна волна — и драка приобрела грандиозные размеры. Такого побоища давно не видел город Ленинград. Говорят, что «произносились антиправительственные лозунги», вероятно, кричали что-нибудь о Хрущеве. Это страшное побоище кончилось только с прибытием морской пехоты, которая заняла футбольное поле, вступила в драку с толпой и рассеяла ее. В итоге дня было около дюжины убитых, около четырехсот раненых, а о синяках, ушибах, суставах и ребрах даже говорить не приходится. Ленинград показал себя. Ленинград, город Ленина, колыбель революции, город-герой, бывшая столица, окно в Европу, гордость нации! Ленинград, выдержавший осаду. Ленинград, где Эрмитаж, Русский музей, театр имени Кирова, кунсткамера и дом Петра Великого! Город, подвергавшийся за свою революционность и непопулярность к авторитетам оскорблениям от Сталина

и Жданова. Ленинград показал себя. А иные утверждают: это была провокация. Заранее подготовленная и разработанная провокация врагов.

Позавчера близ Портсмута выловили труп в легком водолазном костюме. Труп еще не опознан, но полагают, что это Лионель Крэбб.

Шолохов с женой уже в Осло. Он совершает поездку по скандинавским странам.

В литературе снова начинается черное время. Писать как в прошлом году, уже нельзя. Какая-то литературная сволочь высказалась на одном собрании: «1956 год был позорным годом для советской литературы». Снова наступило рабье молчание. Кончилась передышка. Обманули. Нас обманули.

Московский анекдот. После выступления Хрущева о займах в сберкассе приходит человек и забирает весь свой вклад, несколько тысяч. Его спрашивают: «Вы что же, не доверяете коммунистической партии?». «Нет, почему же, доверяю». «Вы не верите Никите Сергеевичу Хрущеву?». «Нет, верю». «Так в чем же дело?». Он говорит холодно: «Я не верю сормовским рабочим».

В Башкирии засуха, рожь косят на сено. Нет кормов для скота. Догоним Америку по производству мяса, молока и масла! Что же, давайте догоним! После дождичка в четверг.

Говорят: три года. Если за ШЕСТЬ ЛЕТ догоним, я портрет Хрущева вместо иконы повешу. Что-то не верится. Никита Сергеевич сказал глупость. Но посмотрим! Посмотрим! Если догоним, кто не будет рад? Хорошая цель.

25 июня. Вторник. Американская трагедия: крупный ученый Уильям Шервуд покончил жизнь самоубийством. Он был вызван комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и предпочел принять яд. Тяжелое впечатление вызывает все это. Твердо можно заявить, что в Америке жизнь психически тяжелее, чем у нас.

Сейчас у нас в Алкино находится большая группа студентов из Москвы, Одессы, Горького и др-х городов. Это пресловутые «бунтовщики» минувшей зимы. Их «уволители» из институтов и тут же забрали в армию: метод, впервые примененный царем Николаем. С другой стороны, им лучше: раньше у нас за такую вину сажали и расстреливали, а теперь всего лишь отдали в солдаты. Служба в армии у нас теперь становится легче. Эти студенты виноваты в том, что пытались создать свою организацию в противовес комсомолу: ячейки, сбор членских взносов и т.д. Они говорят, что комсомол — это «не наша организация». К секретарю Московского комсомола попасть невозможно. Ребята рассуждали довольно здраво. Комсомол переродился. Его молодость прошла.

Так эти студенты теперь стали солдатами. Это не очень умная мера. Они будут дальше распространять свой дух скептицизма и неудовлетворенности.

27 июня. Четверг. Труп капитана Крэбба опознан.

29 июня. Суббота. Сегодня я сдал последний госэкзамен — педагогику. Три «отлично» и одна «хорошо» (по русскому языку). Но это неважно. Главное, я окончил институт. Это

крупное событие проходит незаметно. Госэкзамены длились месяц и я, по сути дела, кончал институт в течение всего июня. И вот, наконец, окончательно закончил.

Эти экзамены так меня измотали, что я ничего не мог делать и писать. Вот и сейчас пусто и скучно на душе.

30 июня. Воскресенье. Гога Иванов и Неля Соколовская расписались. Я очень рад за них.

3 июля. Среда. «Коламбия бродкастинг систем» делает хороший бизнес: после Хрущева они передали по американскому телевидению президента Тито. Тито сказал, что у Югославии и СССР одна цель — построение социализма и коммунизма, но пути к этому различные. Тито говорил, что правительство Кадара пользуется все растущей поддержкой венгерского народа.

Сегодня чуть не каждый час московское радио передает передовицу «Правды» о «ленинском единстве партии». Вот сейчас я слушаю ее и пишу. В статье не названо имен, но отчетливо видно, что она направлена против меньшинства Центрального Комитета, т.е. против расходящихся с Хрущевым членов ЦК. По-видимому, в ЦК произошел открытый разрыв между Хрущевым и Молотовым. В Уфе срочно созван чрезвычайный пленум Башкирского обкома КПСС. Редактор «Советской Башкирии» Давыдов внезапно выехал в Москву.

«Партия — не дискуссионный клуб». Новый *mot d'ordere*. Так говорится в передовой статье. «Принципиальная политика — единственно правильная политика». «Свобода обсуждения — в пределах партийности». «Исторические аналогии: отступничество Плеханова, изменническое выступление Каменева и Зиновьева перед Октябрем» — все это приводится для иллюстрации того, что Ленин не считался с авторитетами. Значит, «Правда» целится в очень авторитетного человека — Молотова. Да, вероятно, Молотов. Уже почти год о нем не слышно. Лицо его видно лишь на общих снимках.

Говорится, что ЦК имеет право даже исключать членов ЦК из партии в виде крайней меры (за фракционную деятельность). Это еще ленинская резолюция о единстве партии.

Да, да из всего видно, что бьют кого-то большого. Видимо, Молотов. А при нем группировались, наверное, Микоян и Каганович. Хотя, черт его знает. Ни черта ведь не знаем. Но кого же, кого.

Так! Первые известия, просочившиеся с пленума обкома: Молотов, Каганович, Шепилов и Маленков исключены из ЦК КПСС. Микоян, скорее всего, на стороне Никиты.

В чем дело? В передовой, если не ошибаюсь, говорится о злопыхателях, не верящих в успехи советского строя. Если это расшифровать, то значит, они выступали против хрущевского лозунга «Догоним Америку по мясу, маслу и молоку». Хрущев создал полудо-пический план и крикливо разрекламировал его. Видимо, Молотов и прочие были против этой демагогии.

Имя Вячеслава Михайловича Молотова (Скрябина) говорит само за себя. Он родился в 1890 г., в партию вступил в 1906 году, в 1916 г. — после побега из ссылки был кооптирован в состав Русского бюро ЦК большевиков. В том году донецкий слесарь Никита Хрущев

еще не был членом партии, он вступил в нее лишь через 2 года. Во время февральской революции Молотов возглавлял Русское бюро ЦК.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Молотов был избран членом ЦК, с 1926 по 1952 г. он член Политбюро ЦК; в 1921–1930 гг. он секретарь ЦК. На XIX съезде он избран в ЦК, а на пленуме в президиум ЦК. Он был знаменитым министром иностранных дел, Почетный академик.

Каганович тоже крупная величина. Он теневого политик, «а швайгер», молчун, как называли его евреи.

Шепилов за последнее время очень солидно вырос. Важную роль он сыграл в подготовке Суэцкой войны. В Москве все считают, что Шепилов — "это голова". Наши уфимские артисты балета Сулейманова и Саттаров ездили в составе концертной труппы на гастроли в Египет, Ливию и Судан. По их словам, арабы сейчас очень любят русских, говорят, что «<Булганин — хорош» — но особенно часто и с особенным восторгом они повторяют «Шепилов — хорош!»

Маленков мне лично не кажется большим человеком и серьезным политиком.

Но эти четверо — еще не все. Из ЦК исключены всего 6 или 7 человек. Четверых я уже знаю, а еще кто?

Ко всему прочему, здесь, вероятно, прибавилась и внешняя политика.

Раньше или позже эти новости придется опубликовать. Да их завтра же опубликуют. Сегодняшняя передовая «Правды» готовится беспартийную массу к приятному сюрпризу. Интересно, как среагирует на это простой народ. Рабочие будут за Молотова. Евреи за Кагановича. Крестьяне за Маленкова. Московские интеллигенты за Шепилова. Недовольство Хрущевым еще более увеличится. Скоро Хрущев перевыполнит норму глупостей. Что произойдет, если мы не догоним? Три года — не такой большой срок.

Не то исключены, не то выведены из президиума ЦК Молотов, Каганович, Шепилов, Маленков, Сабуров, Первухин, Кириченко. Булганин, как выражаются партийцы, «получил строгача». Завтра во всех газетах появятся постановления пленума ЦК партии.

В истории КПСС появится молотовско-кагановичевская фракция.

5 июля. Пятница. Во вчерашнем номере «Правды» и одновременно во всех остальных газетах Союза напечатано информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, который состоялся 22–29 июня и обсуждал «вопрос об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.» Пленум вывел из членов Президиума ЦК и из членов ЦК товарищей Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава членов ЦК товарища Шепилова.

Кириченко остался в Президиуме, Первухин кандидат в Президиум. С этими я напутал.

За информационным сообщением идет постановление пленума об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова.

«С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС.»

Значит, добивались снятия Хрущева.

«Они были против расширения прав союзных республик в области политического и культурного строительства, в области законодательства, а также против усиления роли местных Советов в решении этих задач. . . ». «Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятием партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата».

«Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание Совнархозов в экономических районах, одобренное всей партией и народом».

Тяжелые обвинения. Значит, они были против децентрализации. «Они настолько оторвались от жизни, что не могут понять реальной возможности, позволяющей в конце этого года отменить обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников». Из дальнейшего явствует, что Молотов, Маленков, Каганович не выступили против «этой назревшей меры» В ПРИНЦИПЕ, а не считают возможным осуществить ее. Это очень важная мера. Это для колхозников очень хорошая мера. Но в самом деле, как будут питаться горожане после осуществления этой меры? Удастся ли? Это нужно посмотреть.

Они (фракционеры) вели борьбу против призыва — догнать в ближайшие года США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Что ж, эту позицию можно понять. Догоним ли? Надо посмотреть.

Молотов «проявляя консерватизм и косность», сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины. Нет, это, видимо, передержка. На декабрьском пленуме 1956 года Молотов ругался, что урожай на целине собран и гниет под открытым небом. Он говорил: «Прежде чем поднимать целину, нужно было проложить дороги». Теперь Никита берет реванш за декабрь.

«Т.т. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем предприятиям, которые проводил Центральный Комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем.»

Неужели это правда? В таком случае, это их огромная вина. «Тов. Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИДа для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией. Неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена Пленумом ЦК КПСС в июле 1955г. — «как несоответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающая принципам ленинской политики»».

Это правда. Молотов в отношении Югославии проявил себя последовательным сталинистом. Кое в чем он оказался прав: Тито — ненадежный друг, глашатай нейтрализма. Ради такого приобретения не стоило идти в Каноссу: этот мир можно было заключить с меньшей помпой. Но мириться было нужно.

«Тов. Молотов тормозил заключение государственного договора с Австрией. . . Он был также против нормализации отношений с Японией. . . Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов КПСС с прогрессивными партиями зарубежных стран.»

Молотов «отрицал целесообразность установления личных контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений.»

Тут следует поразмыслить. . . Народ — творец истории. Совершенно верно. Но в промежутках между эпическими выступлениями масс усиливается роль отдельных личностей. После 1799 г. историю Европы делал Наполеон, а затем Александр I и Меттерних; в 1848г. Меттерних полетел, и массы сказали слово. Потом были такие личности как Пальмерстон, Бисмарк и Дизраели. Настала эра революций — появился Ленин, подобно тому, как до него были Робеспьер, Авраам Линкольн и другие: это — особого рода деятели, они творят историю в соответствии с волей народа. Потом — эпоха правителей, решающих судьбы мира в большей степени самостоятельно: Рузвельт, Черчилль, Сталин, а в фашистских странах — диктаторы. Это не значит, что они творят произвол, нет, они тоже *volens-nolens* осуществляют задачи определенных классов, они опираются не на большинство, а на господствующие классы и группы, в этом их отличие от великих революционеров. При этих великих правителях большинство пассивно, оно не проявляет политической сознательности, оно позволяет себя вести. Это необходимое условие диктатуры. Диктатура возникает лишь тогда, когда жизненные интересы большинства граждан и интересы господствующей группы не находятся в противоречии, дозревшем до революции. За счет других стран (колоний, соседних держав) диктаторы дают подкормиться своему народу. Или они пожинают плоды великих социально-экономических преобразований. Наполеон использовал и то, и другое: золотые контрибуции и достижения казнённых им революционеров. . . Сейчас у нас период диктатуры продолжается. Сталинизм как экономическая система ещё не дозрел до своего распада, реформы Хрущева укрепляют эту систему и в то же время приближают ее зрелость.

Но я сильно отвлекся с этими глупыми рассуждениями, в двух словах: при всех своих глупостях Хрущев в области экономики делает то, что нужно. Что касается его файв — о'клоков с Айком, Иденом и Ги Молле, это правильно, это нужно, хотя и выглядит несколько неприятно на взгляд демократа.

Дальше.

«По многим из этих вопросов мнение т. Молотова поддерживалось т. Кагановичем, а в ряде случаев и т.Маленковым». «. . . Они находились и находятся в плену старых пред-

ставлений и методов, оторвались от жизни партии и страны, не видят новых условий, новой обстановки, проявляют консерватизм...», «являются сектантами и догматиками...»

«Сговорившись между собой на антипартийной основе, они поставили перед собой цель изменить политику партии, вернуть партию к тем неправильным методам руководства, которые были осуждены XX съездом партии. Они прибегли к интриганским приемам и устроили тайный сговор против Центрального комитета. Факты, вскрытые на Пленуме ЦК, показывают, что т.т. Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним т. Шепилов, став на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии и выработанное Лениным решение X съезда партии «О единстве партии»».

Все четверо, изолированные на пленуме, признали наличие сговора, вредность своей антипартийной деятельности, обязались подчиняться решениям партии.

Их деятельность осуждена, и они сняты со своих постов. Принято единогласно 29 июля 1957 г. всеми членами ЦК, членами Центральной Ревизионной Комиссии при одном воздержавшемся — Молотов.

Что к этому добавить?

Над гробом Сталина читали заклинания Молотов, Берия и Маленков: один расстрелян, остальные низложены. XX-й съезд символизировал собой новый, более прогрессивный этап советского режима.

Но стоило ли их исключать? Все равно они были в меньшинстве. Что же — Никита не терпит возражений? Никита не переносит критику? Никита подчинил своему влиянию всех руководителей и убирает наиболее непослушных? Новый диктатор?

Один человек сказал по поводу этих новостей: «Была борьба за трон, и осталась борьба за трон».

Другой: «Нет, не согласен. Ну, Маленков, Шепилов, ладно — эти новые. Каганович еврей, черт с ним! Но Молотов, Молотова нельзя было снимать.»

Трудно найти человека, который был бы согласен с постановлениями этого пленума. Еще труднее найти людей, которые выражали бы свое несогласие достаточно громко.

А я? Доволен или нет? Согласен?

Кажется, нет. Умом я понимаю, что Молотов неправ, что он консерватор, что он молится тени Иосифа. Но я не могу уважать Хрущева больше Молотова. Я не считаю принятые Хрущевым дисциплинарные меры необходимостью. Я не желаю больше жить под властью диктатора. Да кто, как не он, открыл нам глаза на сталинизм? И после этого заниматься таким вещами нелогично.

Правда, я не знаю деталей. В организациях начинают читать закрытое письмо ЦК. Быть может, была эта необходимость?

Ничего не знаю. Наши газеты немногословны.

6 июля. Суббота. Собственно уже перевалило за полночь. Уже воскресенье.

Никита сделал ход конем. На другой день после постановления ЦК и ревизионной комиссии об антипартийной группе газеты опубликовали постановление ЦК и Совета Министров

СССР от 4 июля об отмене обязательных поставок сельхозпродуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих (индивидуальные сдатчики). Обязательные поставки отменяются с 1 января 1958 г. Это великое дело, народ очень доволен. Никита увязал это дело с постановлением о группе Маленкова-Молотова.

Сегодня вечером в самом центре Уфы, на перекрестке улиц Ленина и Сталина, посреди перехода от ресторана «Уфа» к почтамту человек в черной одежде, в сапогах и кепке (то есть рабочий), будучи пьян, пытался завязать драку с двумя в серых костюмах, интеллигентного вида. Он кричал им: «Маленковым, бляди, спекулируете!». Ссора возникла на самой злободневной почве.

Четверо низложенных уже лишены всех административных постов. Население России все еще чешет в затылке и обдумывает происшедшие события.

7 июля. Воскресенье. У меня радость: в России появился новый талантливый писатель. Его зовут Юрий Казаков. Он еще молод. Впервые он дал мне весточку в журнале «Москва» за этот год, номер не помню. Там было два его рассказа, оба мне понравились, но особенно первый, под названием, если не ошибаюсь, «Странник». Этот рассказ классичен в лучшем смысле слова, и — самый беспощадный реализм, суровый и целомудренный. Критика приняла рассказы неблагосклонно. Но, я вижу, редактора все же умнее критиков: в 6-м номере журнала «Октябрь» Юрий Казаков напечатал рассказ «Голубое и зеленое». Я почувствовал, что Казаков мой брат по духу. Этот рассказ вызвал во мне радость. Я чувствую так же, как он. Я и пишу нечто подобное, почти тоже, только немного хуже.

Теперь у меня три любви: Дудинцев, Павел Нилин и Юрий Казаков.

8 июня. Понедельник. Заграничные компартии приветствуют изгнание четверых. Все говорят, что это означает реальное продолжение и осуществление курса, взятого XX съездом Французская «Монд» пишет, между прочим, что это «удар по коллективному руководству», Тоже верно. Но причем тут коллективное руководство? У нас диктатура, этим все сказано.

5 июля Михаил Шолохов и его жена Мария Петровна вернулись в Москву. Шолохов побывал в Швеции, Норвегии, Финляндии и Дании. Страны Скандинавии он посетил вторично, спустя 22 года после первой поездки. В Стокгольме Шолохов встретился с Джоном Стейнбеком, путешествующим по скандинавским странам, и имел с ним продолжительную беседу. О чем они толковали? Может быть, Шолохов еще напишет.

14 июля. Воскресенье. Рассказывают подробности из закрытого письма ЦК. Маленков и Молотов — вот главные герои антипартийной группы. Они были оба в большой степени причастны к террору 1937 года. Маленков — активный руководитель разгрома Ленинградской организации. Впрочем, он мне никогда не импонировал.

Итак, на заседании президиума ЦК, где не было Хрущева, Фурцевой и еще кого-то, Хрущев был низложен и правительство перетасовано. Хрущев — министр сельского хозяйства. Молотов — первый секретарь ЦК партии. Булганин — министр внутренних дел. После этого

Хрущев явился, мгновенно собрал Пленум ЦК и все повернул наоборот. Дворцовый переворот не удался. Заговорщиков заставили писать объяснительные записки: все покаяться, только Молотов, признавая неправильность своих действий, отказался признать «состав преступления». Шепилов, примкнувший к группе, на Пленуме отрекся от них и вел себя как «политическая проститутка»; он сыграл крайне неблагоприятную роль.

В Ленинграде Хрущева после июньского Пленума встречали очень холодно. Во всех пивных и «рюмочных» громко матерят нашего правителя. Говорят, что он диктатор, не терпящий никаких возражений, но Сталин из него не получится: год он продержится, но не больше.

Знаменитая бойня на стадионе имени Кирова была 14 мая.

По эрмитажу ходят с фотоаппаратами американцы и кричат: «O-oh ! How beautiful!». В Ленинграде полно иностранцев, и жители относятся к ним довольно безразлично. Американцы щелкают на каждом шагу, снимая памятники, дома и прохожих.

Да, правда, Булганин получил строгий выговор. Ворошилов во всей этой истории занимал нейтральную позицию. Во всяком случае, в Ленинграде на Невском во время юбилейной демонстрации, повторенной для делегации обновленного ЦК, кричали: «Ура! Да здравствует Ворошилов!» — но «да здравствует Хрущев» никто не сказал.

Два дня назад кое-где поползли слухи, что Молотов покончил с собой.

15 июля. Понедельник. Ходил в кино на чехословацкую картину «Вина Владимира Ольмера». Самое интересное — кинохроника. В «Новостях дня» показывали кадры иностранной хроники — английские испытания на острове Рождества: взрыв, фон чернеет, и вот в почерневшем небе вырастает и стоит, медленно пошевеливаясь, чудовищный белый гриб. Затем сразу толпы японских демонстрантов и большие плакаты: «NO MORE H-BOMB!»

О самоубийстве Молотова передавала В-В-С.

16 июля. Вторник. Снова слухи о Молотове. Шутка по поводу лозунга «догнать и перегнать»: «Догоняйте, ребята, но только ради бога не перегоняйте, а то сзади рваные штаны видно будет». Всеобщий скептицизм в народе, презрение к казённым речам и официальным лозунгам.

В Ленинграде на Дворцовой площади Хрущев в своей речи произнёс такие умные слова: «Идеи марксизма-ленинизма проникают повсеместно, но если мы их еще смажем сливочным маслом, то они в любую дырку пролезут». Может быть, он не хотел, но получилась двусмысленность, и культурный город Ленинград проглотил ее с холодным недоумением. Конечно, Хрущев — большой политик, но, признаться, давненько в России не было такого говорливого правителя и такого дешёвого остряка. Вышеприведенная хохма в газеты не попала.

В своих выступлениях после пленума Хрущев особенно страшно ругал Шепилова, этого «молодого карьериста».

О переименованиях. Не так давно проспект Сталина в Ленинграде переименовали в Московский. К Сталинградскому проспекту вернулось его старое название — Лиговка. Нет больше города Молотова — есть город Пермь. Снова Пермь.

Большое чувство достоинства проявили горьковские рабочие завода имени Молотова. Это крупнейший, наряду с Московским, автозавод страны. К ним приехали из ЦК переименовывать завод. Рабочие сказали: «Пусть к нам придёт сам Молотов — он наш депутат, пусть он отчитается и сам расскажет о своей вине: тогда и посмотрим — переименовывать или нет».

Кстати, Молотов высказывался и против фестиваля.

Маршал Жуков на пленуме выступал против группы очень резко. Он «держит мазу» за Никиту. Это очень важно. Слово Жукова — веское слово. Он в нашем правительстве, как мне кажется, больше всех и ярче всех представляет осторожное и неспешное мнение народа.

Теперь еще детали о 14 мая в Ленинграде. Играли «Зенит» и «Торпедо». «Зенит» проигрывал. Пьяный болельщик вышел на поле и оттолкнул вратаря — стать вместо него. Милиционеры схватили пьяного под руки и поволокли. А там, на стадионе имени Кирова, есть такой блатной сектор: его постоянно занимают блатные. Оттуда, с этого сектора, в милиционера швырнули бутылку. Это и было завязкой. Кстати, бутылки в тот день вообще нашли широкое применение. Под шумок «бунтовщики» разгромили ресторан и дрались бутылками. Да, драка была грандиозной. Матч прервался. Футболисты отправились в раздевалку. Торпедовцам тоже намяли бока. Призывы по радио. Оказывается, кричали комсомольцам, чтобы они ушли с поля, чтобы прекратить драку. Милиционеры забаррикадировались в раздевалке. «Бунтовщики» тотчас нашли где-то бревно и принялись под ритмическое уханье высаживать двери раздевалки. Но постепенно благоразумные стали расходиться. На стадионе появились взводы курсантов, они действовали своими поясами с пряжками. Это пошло дальше: «Курсанты, наших бьют!». В одиннадцать часов вечера на стадионе хозяевами положения были части МВД, курсанты, отряды гарнизона и милиция. Били и хватали гражданских, всех без разбора, правого и виноватого. Никакой морской пехоты не было, ее сейчас вообще нет.

Выстрел был, но один — единственный: выстрелил один милиционер.

Сейчас транслируют митинг, посвящённый встрече Хрущева и Булганина, вернувшихся из Чехословакии. Говорил от интеллигенции Москвы подлец и паразит Панферов. Его речь напоминала ползание на животе. Потом какая-то ткачиха, за ней Никита, сейчас Булганин. А вот Хо Ши Мин (по-русски!).

В «Литературной газете» на четвёртой полосе подвал: «В поисках литературного Лоуренса». Автор Б. Розенцвейг. Речь идет о Вильяме Сомерсете Моэме. Я взял старый том Литэнциклопедии сделать «сводку».

William Sommerset Mangham родился в 1874 году. Ему сейчас 83 года. Если мне память не изменяет, он ровесник Уинстону Черчиллю. Крепкие старики живут в Англии. Бернارد

Шоу прожил девяносто четыре года, королева Виктория, слабая женщина, всего восемьдесят два. Соммерсет Моэм прожил всего семьдесят три, но еще обещает не малые годы протянуть. Ну, ладно.

Соммерсет Моэм меня давно интересует. Розенцвейг пишет: «Моэм — своеобразный и талантливый писатель, хотя значение его таланта, по нашему мнению, на Западе явно переоценивается (так, профессор Фредерик Майер в том же номере еженедельника «Висдом» прямо говорит о свойственной Моэму «глубочайшей простоте гения»). Его собрание сочинений включает романы и рассказы, пьесы и критические работы. Впрочем, за последние годы Моэмом написано мало, да и то, главным образом, книги, в которых он делится своим жизненным и литературным опытом. Добавим, что Моэм считается первоклассным стилистом и как писатель явственно отличается ироническим складом ума. Вот одно из довольно типичных для него афористических суждений, достаточно убедительно об этом свидетельствующих: «Я лично куда охотнее провел бы месяц на необитаемом острове с ветеринаром, чем с премьер-министром». Если здесь и есть нечто от нарочитой позы, то все же ей нельзя отказать в известной независимости и необычности».

Соммерсет Моэм — врач по специальности и писатель по призванию, в то же время он был когда-то агентом политической разведки. Накануне октября 1917 года, как он пишет в своей книге «Подводя итоги», Соммерсет Моэм совершил «рейс» в страну «Толстого, Достоевского и Чехова»: в качестве «частного агента» он посетил Россию. Вот что он говорит об этом:

«Я бодро пустился в путь имея в своем распоряжении неограниченные средства и четырех надежных чехов для связи с профессором Массариком, руководящим деятельностью около 60 тысяч своих соотечественников в разных концах России. Ответственный характер моей миссии волновал меня. Я был направлен как частный агент, который мог быть в случае необходимости дезавуирован, и получил инструкцию. . . разработать план, осуществление которого позволило бы предотвратить выход России из войны и не дать большевикам при помощи центральных держав захватить власть».

В книге «Подводя итоги» Моэм с хмурым, но откровенным видом подводит итоги своим приключениям в России. «Едва ли нужно сообщать читателю, что миссия моя окончилась полным провалом; я не прошу также верить мне, что. . . если бы я был послан в Россию на пол года раньше, то имел бы шансы добиться успеха. Спустя три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом». Здесь Моэм говорит о русской революции сдержанно и довольно объективно

1) «Подводя итоги» — автобиография Моэма, издана недавно.

Но так было далеко не всегда. В свое время Соммерсет Моэм написал роман «Ашенден», о котором сейчас большинство критиков предпочитают умалчивать. Одна из глав этого романа как раз посвящена пребыванию Моэма в Петрограде в дни революции. В этой главе много враждебного, «устрашающего». Наряду с «частным агентом» английской разведки действует некий вымышленный персонаж — американский бизнесмен Харрингтон, которо-

го для вящего устрашения убивают из солдатского ружья на улицах Петрограда в дни октябрьских боев. Эта аляповатая глава из романа «Ашенден» была включена в сборник «Мистер Моэм как он есть», изданный в Америке.

За последние годы популярность Моэма в Америке особенно возросла. Вообще он давно уже стал мировой знаменитостью. Как он пришел к этой громкой славе? Как случилось, что у него, в вилле на Французской Ривьере, гостят короли и королевы, принцы и принцессы, часто герцог и герцогиня Виндзорские, промышленники и люди большого света? Этот англичанин, родившийся в Париже, этот врач, два года служивший тайным агентом английского правительства — сначала в Женеве, а затем в Петрограде, где на него была возложена миссия предотвратить большевистскую революцию. . .

Что он писал? Уже в 1909 году в Петербурге издан перевод его пьесы «Лэли Фредерик»; в 1913 г. — «Принц Себастиан» («Джек Стр»). В 1924 г. в Москве издана его пьеса «Обетованная земля», в 1926г. тоже в Москве пьеса «Сэди» («Ливень»), переведённая Корнеем Чуковским. Сомерсет Моэм тяготеет к колониальным странам, к экзотизму, к дальним путешествиям и мало изученным культурам. Из жизни колониальных стран им написаны новеллы и романы: «The Trembling of a Leaf» («Дрожь листа», в русском переводе «Король Талуа», рассказы, 1927), «The painted Veil» («Расписное покрывало», в русском переводе «Китти» 1926), и пьеса «Обетованная земля». Сомерсет Моэм в этих произведениях предаётся восторгам перед красотой первобытности и ламентациям по поводу зол цивилизации.

Одним из лучших романов Моэма Литэнциклопедия называет «The Moon and six Pence» («Луна и шестипенсовик», 1927 г «Луна и грош») — роман о деклассирующихся интеллигентах, поднимающих бессильный бунт против общества; бунт — провозглашение права на антисоциальность, бунт заключается в анархическом индивидуализме. В энциклопедии говорится, что Моэм «представляет ту группу мелкобуржуазной интеллигенции, которая неспособна к борьбе с капитализмом и так или иначе примиряется с ним».

Рассказ «The hairless mexican» («Безволосый мексиканец») — яркий образец отточенного стиля Моэма. Всякое произведение искусства должно обладать законченностью, цельностью «большая литература не терпит этюдизма. В этом (и быть может, только в этом) отношении Сомерсет Моэм — классик. Его стиль закончен и отработан, как в прошлом веке у Проспера Мериме. Они чем-то даже похожи.

В «Безволосом мексиканце» также фигурирует тайный агент Ашенден.

1930 год — «Cakes and Ale, or, The Skeleton in the Cupboard» («Пироги и эль, или скелет на буфете»). Название веселое. Мистика, ужасы, привидения, каббалистика тоже в круг его тем. Он изучает мистические культы. Ему свойственны пессимизм и фатализм. Это — поэт приключений, ужасов, тайн. В 1954 году Джек Истен в английском журнале «Иллюстрирует» назвал его самым удачливым в мире писателем». У него огромные гонорары. Джек Истен называет астрономическую цифру общего тиража его сочинений — 50 миллионов экземпляров. В 1957 году американский еженедельник «Висдом» воспроизвёл на своей обложке портрет Сомерсета Моэма: лицо старика, изборозждённое глубокими морщинами.

Я прочел роман Теофиля Готье «Капитан Франкасс». Готье давно интересовал его. Хочу обязательно прочесть «Мадмуазель Мопен» и его знаменитую книгу стихов «Эмали и камни».

19 июля. Пятница. По-прежнему говорят о самоубийстве Молотова. В остальном все тихо. Все спокойно. Ничего не заметно. Афганский король пирует с нашими лидерами в Кремле.

Алка-Давалка вышла замуж за молодого актера Николая Рыбникова, очень талантливого парня, который играл монтажника Миколу Пасечника в фильме «Высота». Зачем она ему понадобилась? К тому же он взял ее с ребенком.

Я прочитал роман «Одиссея капитана Блада». Автор — Рафаэль Сабатини, сын итальянца и англичанки, путешественник (1875–1950гг.). Написал более 50 романов, пьес и много рассказов. «Одиссея капитана Блада» написана в 1922 г, у Сабатини есть еще два романа об этом благородном пирате. Писал он по-английски, его книги переведены на многие языки. Его называют «английский Дюма», «Современный Вальтер Скотт». По роману «Одиссея капитана Блада» поставлена кинокартина «Остров страданий», шедшая два года назад на наших экранах.

Я читаю снова «Капитан Фракасс». Меня очень интересует стиль Теофиля Готье. Вот как он пишет старуху из труппы Иорда (подчеркиваю самое главное):

«Леонарда, «благородная мать» труппы, была одета во все черное, как испанская дуэнья. Тюлевый чепец окружал ее обрюзгшее лицо, бледное и как бы изъеденное сорока годами гримировки. Глаза ее, полуприкрытые веками, выражали хитрость, по углам рта росли темные волоски. Лицо почти совсем утратило женственные черты, а в его морщинах запечатлелось немало всяческих походов. Леонарда с детства была на подмостках и последовательно исполняла все роли, кончая ролями дуэний».

Пейзаж: «Ранняя декабрьская ночь спустилась на землю, тоже не принесла с собой полной темноты. Отблеск снега боролся с небесным мраком, и свет, казалось, теперь шел снизу, а не сверху. Горизонт был очерчен резкой белой полосой. Заполошенные деревья вырисовывались, как ледяные узоры на оконных стеклах; время от времени с веток срывались хлопья снега, падая на завесу мрака, точно серебряные слезы.»

Теофиль Готье был живописцем в литературе. Но его живописные портреты зачастую очень поверхностны. Он любит яркие краски, пышные драпировки, подробно описывает костюм. Вот герцог де Валомбрез:

«На нем был великолепный белый атласный костюм, отделанный вишневыми бантами и бриллиантовыми пряжками. Каскады кружев ниспадали из-под рукавов кафтана; шарф из серебряной парчи придерживал шпагу; в руке у него была белая фетровая шляпа с огненным пером.

Длинные черные локоны вились вдоль его тонко очерченного матово-бледного лица. Пурпурные губы пылали под изящными усками, а глаза сверкали сквозь густые ресницы. Белую, как мрамор, шею окружал воротник из дорогого венецианского гипюра».

Пурпур, белое, мрамор, атлас !

А вот Готье от описания дворцов переходит к трущобам, населенным бретерами, ворами и мошенниками на площади Нового рынка и Малого моста в Париже, где Мерендоль посещает наемного убийцу Жаклена Лампурда. «Найдя среди высоких темных домов, опиравшихся друг на друга, как пьяницы, которые боятся упасть, самый темный, самый ветхий, самый грязный из всех, Мерендоль вошел в неосвещенный проход, ведущий внутрь этой трущобы.

Окна, завешенные отвратительными лохмотьями, напоминали вспоротые животы, из которых вываливаются внутренности. Мерендоль ощупью нашел в темноте веревку, служившую перилами, и стал подниматься по лестнице, то и дело спотыкаясь о кучи грязи, наслаивавшиеся на каждой ступеньке с тех пор, как Париж стал Лютенцией.

На самом верхнем этаже Мерендоль ногой открывает дверь, «не желая прикасаться к ней руками и входит «без дальнейших церемоний» в комнату Жакмена Лампурда.

«Едкий дым проник ему в глаза и в горло, так что он начал кашлять, как кот, наевшийся птичьих перьев, и по меньшей мере две минуты не мог произнести ни слова. Найдя себе выход через раскрытую дверь, дым стремительно распространился по лестнице, и в комнате воздух стал прозрачнее.

Основной обстановкой комнаты были четыре стены, на которых подтеки с крыши нарисовали острова и заливы, каких не найдешь ни на одной географической карте (1 — Великолепно). На тех местах, куда достигала человеческая рука, разные владельцы вырезали ножом свои странные и нелепые имена, подчиняясь непреодолимому инстинкту, по которому самые безвестные и маленькие люди стремятся оставить по себе след в здешнем мире.

На камине, в котором, дымясь и шипя, тлели краденые дрова, валялись в пыли самые разнообразные предметы: бутылка со вставленным в горлышко огарком свечи, игральные кости, гребень с обломанными зубьями, потайной фонарь, завернутый в чулок, связка ключей, без сомнения, для чужих замков, ибо в комнате не было ни одного запирающегося предмета, щипцы для завивки усов, осколок поцарапанного зеркала и множество другого хлама.

Напротив камина на куске зеленой материи висело несколько шпаг, тщательно начищенных и носивших на клинках клейма самых знаменитых испанских и итальянских мастеров. Были там и обоюдоострые и трехгранные клинки, клинки с рейкой посередине для стока крови; были там кинжалы с тяжелой рукояткой, охотничьи ножи, стилеты и другое ценное оружие, которое так не вязалось с убожеством этого жилья. Ни единого пятнышка, ни единой пылинки не виднелось на них».

Этот фрагмент характеризует мастерство Готье; резкий типизм, подбор деталей, неожиданные гиперболы и меткие сравнения. Всюду контрасты, «Жаклен Лампурд отнюдь не был Адонисом, хотя и пользовался, по его собственным утверждениям, огромным успехом у дам, и притом самых высокопоставленных. Большой рост, которым он гордился, костлявая фигура, тощие ноги, обезьяньи руки, настолько длинные, что он мог, не сгибаясь, завязать себе

подвязки, — все это вместе взятое не было слишком привлекательно. На лице его больше всего пространства было отведено носу, такому же грандиозному, как у Сирано де Бержерака. В холодном блеске глаз, хотя и затуманенных опьянением, чувствовалась отвага и решительность. Всколоченные черные волосы падали на эту мерзкую образину, над которой никто, однако, не посмел бы посмеяться, настолько лукавым, коварным и жестоким было ее выражение».

«Мерзкая образина — но «отвага и решительность». Длинные руки фехтовальщика. . . Это сильный портрет. Ночью Лампурд идет домой: «по дороге домой Лампурд позвякивал наполненными его карманы золотыми с беспечностью, которая показывала, какой страх внушал он постоянным обитателям Нового моста».

20 июля. Суббота. Бывший король Фарук — видная фигура западноевропейского света, газетный герой, анекдотический антагонист президента Насера. Он был приглашен на бракосочетание Грэйс Келли и Ренье. В одном из «Римских рассказов» Альберта Моравиа, которые стоят на моей книжной полке и которые я очень люблю, кто-то делает такое сравнение: «Толст, как Фарук». Это говорит об известности бывшего короля. Недавно египетские власти сообщили, что на средство из конфискованного имущества Фарука будет построена станция, которая будет заглушать враждебные передачи зарубежного радио.

Американская журналистка Эльза Максвелл, известная разоблачениями больших и малых скандалов проиграла процесс о диффамации по иску бывшего короля Фарука. Французский суд осудил ее на 150 долларов штрафа, что не очень отяготило американскую журналистку. Она жаловалась только на неудобную меблировку парижских судебных зал. «Для такой старой толстой бабы, как я, сказала Эльза Максвелл своим коллегам, — французские скамьи обвиняемых слишком жестки и тесны.»

Это из журнала «Dookola swiata», N 27, 7 июля 1957 года. Там же история, случившаяся в Индии с итальянским режиссером Роберто Росселини. Постановщик «Рима — открытого города» снимает в Индии документальный фильм. Он влюбился там в индийскую кинозвезду Санали Дас Гупта, жену индийского кинопродюсера. «Я убью его!» — грозил бледный от ярости муж звезды, кружа по коридорам бомбейского отеля «Taj Mahal» («Тадж Махал»), где свили себе гнездышко неверные супруги (Роберто Росселини тоже женат, его жена — Ингрид Бергманн).

Никто никого не убил, но индийское правительство приказало Росселини покинуть территорию страны. Только вмешательство самого премьера Неру позволило продлить пребывание Росселини.

Гамбургская «Die welt» вербует подписчиков при помощи такого утверждения: «Даже советская пресса цитирует нашу газету».

На Таити живет еще 55-летний сын художника Гогена, «толстый Эмиль». Он крепок и здоров. Его мать, таитянка по имени Коке, в свое время красавица, жива и по сей день: ей 72 года. Как известно, Поль Гоген провел на острове Таити около 10 лет на грани XIX и XX веков.

16 мая этого года «Литературная газета» напечатала статью Джеймса Олдриджа «Раздумья о судьбах молодежи на Западе». Олдридж говорит о современном «потерянном поколении», которое сейчас в Англии, в отличие от 20-х годов, называют «разгневанной молодежью», потому что лучше всего точку зрения этих молодых людей выразил Джон Осборн в своей пьесе «Оглянись во гневе». Это поколение отличается от людей, выразивших отвращение к действительности после первой мировой войны. Актер и драматург Майлс Мэллисон в разговоре с Олдриджем сказал: — «Мы тоже были «разгневанной молодежью» — после первой мировой войны, но нас возмущало то, что сделали с другими людьми, а этих юнцов возмущает лишь то, что делают с ними. Это существенная разница».

Олдридж пишет: «Отчасти эта их позиция — просто модный бунт. Однако это и подлинная примета времени, ибо молодым гневом, как мне думается, преисполнено все поколение».

Наконец, говорят они, кто-то чем-то возмущается, и хотя покамест с их стороны это всего-навсего смесь жалости к себе и жестокого отвращения к другим, такое возмущение сейчас неизбежно, и очень может быть, что из мелкой злобы разгорится настоящий гнев.

Суть в том, что перед подрастающим поколением всего две возможности: либо оно гневно и громко крикнет: «Нет!», либо будет молчать и в конце концов погибнет от накопления радиоактивного стронция в костях. Я надеюсь, что мы сейчас наблюдаем самые начатки этого бунта.»

Мне показалось, что Олдридж пишет про нашу молодёжь, про наших стилинг и про мятежное студенчество. Отчасти это у нас модный бунт, отчасти справедливый гнев. Я в своей записной книжке назвал как-то этих ребят «раздраженные». Я сам принадлежу к этому «разгневанному», «раздраженному», «потерянному» поколению, но только к его самой благоразумной и покорной части.

22 июня. Понедельник. Еще деталь. Когда Никита ехал в Финляндию, в Ленинграде на вокзале ждала его большая толпа. Было много рабочих, были путиловцы. Никита проехал Ленинград не останавливаясь. Это вызвало большое недовольство.

А в январе 1957 года было восстание в Каунасе, в Литве.

Восстание началось 16 января, в среду. Начали восстание каунасские студенты. Уже задолго до этого копились антисоветские и антирусские настроения. Молодёжь Каунаса носила шапочки особого фасона, называвшегося «долой советскую власть». 16 января, пользуясь отпусками и учениями, оставившими в Каунасе очень мало воинских сил, контрреволюционеры подняли мятеж. По нашим войскам в округе была объявлена «боевая тревога», чего в мирное время не делается. Менее чем за пол часа была поднята танковая дивизия. Пока офицеры, прибежавшие из кино, надевали комбинезоны, моторы уже были заведены. Офицерам объявили, что в Каунасе волнения; солдатам ничего не говорить, без команды не стрелять. Танки двинулись, направление не было дано, держали связь с командованием по радио. Танки окружили Каунас кольцом, а затем заняли город по участкам. Приказа открывать огонь не было. Один батальон танков патрулировал мост, охранял, чтоб его не взорвали.

Мятеж был хорошо подготовлен. У восставших оказалось современное оружие, автоматы, пистолеты и безоткатные орудия — маленькие современные пушечки. На зданиях развевались черные флаги. Городской транспорт замер. Банки, учреждения связи, редакции газет были заняты мятежниками. На вокзалах творилось невообразимое: офицерские жены, совслужащие, коммунисты. . . Поезда уходили переполненными. В Каунасе погибло много советских солдат и офицеров, захваченных врасплох.

Но мятеж был быстро подавлен. Танки не стреляли, нет: они просто шпарили по улицам без остановки. Люки задраены, а в триплексах (т. е. в смотровых щелях) видимость плохая. Через неделю танки были поставлены на промывку, и когда «вымывали» траки (т. е. гусеничные звенья), то в них находили кости, куски человеческих останков и т.д. Там, на центральных улицах, танки молча давили людей. Если творятся такие вещи, значит, в чем-то мы не правы.

Почему у нас такая дружба с Финляндией? Потому что мы не более как соседи. А эти прибалтийские — надо было дать им суверенитет. Ленин дал свободу Финляндии, а Сталин завоевал обратно Эстонию, Латвию и Литву.

Впрочем, все это вздор, я путаю. Однако, я не путаю, а знаю точно: братство народов в нашем Союзе поддерживают танки. Как в Грузии, так и в Литве.

Реализация решений XX съезда Изменения в системе народного образования. Повышение качества учебно-воспитательной работы в школе.

Учебные планы школы (это не планы воспитательной работы школы). Политехнич. обучение направлено на ликвидацию известного отрыва школ от жизни, в 1955–56 гг. в учебные планы были введены изменения: 1–4 классы уроки ручного труда, в 5–7 уроки труда в мастерских и на пришкольных участках. Новый учебный план (последний): некоторое увеличение числа уроков труда в мастерских, новый предмет — основы промышленного и сельскохозяйственного производства. Этот план введён в 500-х опытных школах Российской Федерации. Это массовый эксперимент. Несколько увеличены часы на эстетич. предметы (пение, рисование), но очень сильно страдают предметы гуманитарного цикла (в частности литература).

Учителя жалуются, что не успевают закреплять грамматический материал.

Изменено содержание программ по естественно-математическому циклу.

Требование ввести в программу историю искусства. Рисование, пение, уроки музыки. 11-летний срок обучения, начало обучения с 6 лет.

Реализация учебных программ «Уч. газета», 2 апр. 57 г. Шаблон. Неуспеваемость. Каковы пути преодоления?

Улучшить методику экскурсий. Борьба с перегруженностью учащихся домашними заданиями. Поменьше контрольных работ, объективность оценки не определяется контрольными, нужен систематический опрос.

1. Группы продлённого дня. (июль 56 г. — постановл. Совета министров).

2. Пионерская и комсомольская организации.

16 мая 56 г. — постановление бюро ЦК ВЛКСМ об улучшении комсомольской работы в школе.

3. Усиление внимания к трудовому воспитанию. Воспитание дисциплины. Надо исключать хулиганов.

Ленин о партийности литературы. Коммунист 18 за 55. Бальзак и Пушкин не были партийными писателями в собственном смысле слова. О партийности Бальзака можно говорить только в широком смысле (политическая заинтересованность). Нельзя смешивать партийность и прогрессивность. Неправда, что типическое является сферой проявления партийности. Это положение можно отнести только к советским писателям. Эта формула есть схоластическая, антиисторическая (буржуазная партийность проявляется прямо противоположно большевистской партийности).

Литература всегда была классовой. Но классы не были до конца последовательны, до конца революционны. Первый такой класс — пролетариат. Чернышевский тоже не был партийным писателем, т.к. не был последовательным пролетарским революционером. Элементы коммунистич. партийности начали проявляться в конце 19 в. (поэты Коммуны). Но подлинное рождение коммунистической партийности — это русская революция 1905 года. Роман «Мать» и пьеса «Враги» — это первые проявления социалистич. реализма и первые, в которых последовательно проводится принцип партийности.

Ленин создал учение о партийности в литературе. Маркс и Энгельс оперировали понятием «тенденциозность» (активное вмешательство в обществ. жизнь, идейность). Коммунистическая партийность — высшая форма объективности

Партийное руководство литературой не имеет ничего общего с вмешательством в творческий процесс писателя. В период культа личности «бывали» извращения.

Некоторые наши писатели (напр., Симонов) договорились до того, что причина лакировки действительности — постановления партии и правительства 1946 и 1948 гг. по идеологическим вопросам. В Ленинграде с подобными мыслями выступила Ольга Берггольц.

Дьердь Лукач заявил, что статья Ленина «Партийная организация и партийная литература» совершенно устарела, что она имела значение только для 1905 года, да и то только для политич. литературы.

В докладе Жданова талантливые литераторы Зощенко и Ахматова критикуются недопустимо высокомерным, административным тоном. В докладе много ошибочного, необъективного, ненаучного («Серапионовы братья», Гофман).

Сталин. По его инициативе была написана статья о «Молодой гвардии» Фадеева. Сталин и Жданов во многом ошибались. В постановлениях 1946 и 1948 гг. много ошибочного, но это лишь частности, связанные с духом времени, связанные с культом личности. В целом постановления не были неправильными. Несмотря на неисправленные частные положения, существо постановлений имело прогрессивное значение, целью постановлений было повышение боевого духа советской литературы.

Последнее время — попытки отвергнуть принцип партийного руководства (Назаров, Редозубов и др.). Не надо смешивать извращения с существом вопроса.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ.

Компроментировали наш соц. р-зм, срочно переводя на все языки мира «Свет над Землей» и прочее.

Мефистофель о Фаусте: благоухающая красота.

Ihn triebt die Garung in die Ferne,
er ist sich seiner Tollheit halb bewubt;
vom Himmel fordert er die schonsten Sterne
und von der Erde jede hochste Lust,
vom Himmel fordert er die schonsten Sterne
und von der Erde jede hochste Lust,
und alle Nah und alle Ferne
befriedigt nicht die tiefbewegte Brust.

«Was glanz, ist fur den Augenblick geboren; das Echte bleibt der Nachwelt unwerloren».

«Verweile doch! du bist so schon!»

Зверски циничное лицо и грубые складки у каждого похотливого рта.

ГПУ — гуляет пока устроится. ГГПУ — гад гуляет пока устроится. Второй ГГПУ, два ГГПУ и т.д.

Польский критик Ян Котт писал, что соц. реализм выдуман Сталиным с помощью Жданова и Горького, что после I съезда наступил упадок советской литературы. Антон Слонимский Младенович (югослав).

Писатель Губарев (на 2 пленуме московских писателей, в ноябре 1956 года: «Социалистический реализм погубил советскую драматургию».

В том же духе высказывался В. Каверин.

Соц. р-му враждебны как лакировка, так и охаивание. В с. р. утверждающее и критич. начало органически связаны.

Послевоенные крэйзы в США:

- 1) Летающие блюда; 2) Пэнти-рейды; 3) Гипнотизм; 4) Рок-н-ролл
- Негритянская песня Railroadman (железнодорожник?)

19 августа 1957 года. Понедельник.

Конец августа 1957 года.

Сельский учитель.

Я написал «Сельский учитель». Но не будет ли это с моей стороны наглостью? Я зачислен на работу в Бишкаинскую среднюю школу Аургазинского района Башкирии. Сегодня уже была первая получка (314 рублей), а за что? Ничего не делал, на два дня ездил в Уфу, числюсь с 15-го и до 1-го ничего не буду делать. Предвидится только учительская конференция в Толбазах, числа 26 августа. А уже получил зарплату за полмесяца.

«Биш коин» — в переводе с башкирского «Пять берез». Название башкирское, но живут здесь чувашки. Большое чувашское село, 9 или 10 километров до станции Белое озеро. Можно часто ездить в Уфу.

20 августа. Сегодня принимал переэкзаменовку по русскому языку у двух школьников. Обоим, и девочке, и мальчику, пришлось поставить по двойке. Останутся на второй год. Парень сделал 15 орфографических ошибок, девочка 17.

Затем я попал к завучу Николаю Григорьевичу. Я пошел к нему взять что-нибудь почитать, а попал на кислушку. Пишу эти строки и чувствую себя несколько хмельным. Но в селе на свежем воздухе пить легче. Ничего. Взял у него почитать Франца Меринга «Очерки по истории войны и военного искусства» и рассказы моего друга Анатоля Франса издания 1930 года.

Из нового «Огонька», хохмы на разные темы:

Один американский миллионер, купив за 100 фунтов стерлингов картину английского художника Тернера, узнал, что художник написал ее в течение двух часов. Возбужденный миллионер вчинил иск художнику по обвинению в обмане. На суде прокурор спросил Тернера, сколько времени он писал картину

— Всю жизнь и еще два часа, ответил художник.

Оскар Уайльд в своих американских впечатлениях рассказывал об одном американце, который выписал из Парижа статую Венеры Милосской. Американец возбудил судебный процесс против железнодорожной компании, т. к. статуя прибыла к нему с отбитыми руками. Самое удивительное, говорит Оскар Уайльд, заключается в том, что этот американец выиграл процесс и компания возместила ему убытки.

Микель Анджело написал Медичи очень красивым, хотя тот был горбат. «Кто знает, — говорил художник, — быть может, через пятьсот лет никто не будет знать об этом. . .».

Ганс Гольбейн младший был придворным художником Генриха VIII.

Однажды какой-то лорд пожаловался королю на художника. Суровый монарх ответил: «Знайте, что из семи простых людей я могу сделать семь лордов, но из семи лордов я не могу сделать одного Гольбейна».

Анатоль Франс («Сад Эпикура»): «Я не чувствую в себе материала для бога, хотя бы для самого малого».

Я выспался и прочитал книжку Анатоля Франса. Самое лучшее, что там есть, это, конечно, «Прокуратор Иудей».

21 августа. Среда.

Все же я здесь скучаю. Как-то ясной ночью глянул на звездное небо, нашёл Большую Медведицу и чуть не закричал от радости: здорово, мол, старуха! Ты здесь такая же, как дома. — Вот красота-то: большая, отчётливая, не заслонённая никакими трубами или крышами. Впрочем, за это я немножко презираю себя: отъехал всего на 100 километров от города, живу в большом селе, есть книги, газеты, журналы «Огонек» и «Смена» — и уже

распускаю нюни. А ведь ещё и зима не настала. Ещё и трудностей я никаких не видел. Стыдно так раскисать. Двадцать три года — и такой жалкий характер.

26 августа в Толбазах (райцентр Аургазинского района) откроется августовская районная конференция учителей. Не написать ли мне что-нибудь оттуда в «Советскую Башкирию»? Там еще у Станислава Антонова (заведующий отделом литературы и искусства) лежит моя рецензия на повести Павла Нилина, а в «Ленинце» рецензия на повесть Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды» (в журнале «Юность»).

23 августа. Пятница. Смертная скука. Делать абсолютно нечего. От скуки читаю затрепанную «Цусиму», взятую у школьного бухгалтера Александра Павловича Федорова. Новиков-Прибой мне не импонирует. Читаю без всякого удовольствия, читаю и бросаю.

Все мысли в Уфе. Скоро у Витьки Торопчина свадьба, меня там, видимо, не будет, как не было и на свадьбе у Гебы. Сейчас должен вернуться в Уфу Витькин сосед Борька Сорока, очень славный и мыслящий парень. У мамы болел глаз, как теперь? Как витькина работа? Пойдут ли мои рецензии в газетах? Ни черта не знаю. Можно подохнуть от скуки.

Пробовал писать — из-под пера выходит гнусная дрянь. Исчезает всякая дисциплина. Не к чему приложить руки.

Чорт поberi, неужели нельзя найти себе хорошего занятия? Попробую дальние прогулки — двух, трех, четырехчасовые. Это средство надежное.

Мне не хватает книг и общества. Нечего читать и не с кем поговорить. Но, может быть, еще освоюсь.

Если бы хорошую толстую книгу — скажем, нечитанный роман Диккенса, или Синклер Льюис, или Марсель Пруст. Капитально писали люди. А Сароян, Фолкнер, Хемингуэй. Вот кого я мечтал рассчитать как следует. Но их-то и в Москве не достать, не то что в Бишкекине. Надо заняться всерьёз английским языком. Дома у меня лежат «Fairytale» Оскара Уайльда, я хотел их взять, но в последний момент раздумал. И зря!

Вечером. Сегодня испробовал дальнюю прогулку и остался очень доволен. В 1 час дня я вышел из Бишкекина. День был жаркий, кепку я не взял, пришлось повязать на голову платок, как это я делал, катаясь в лодке по Белой. Восемь километров, отделяющие Бишкекин от Белого озера, я прошел своим нормальным шагом за 1 час 10 минут. Еще один километр от одного конца Белого озера до другого: купил в лавке килограмм селедки. В 5 минут четвертого я тронулся из Белого озера обратно. Жара так разморила, что обратный путь со станции в село я проделал за час двадцать минут. Но не беда, ходить я могу. Девятикилометровое расстояние отсюда до станции я буду проходить зимой за полтора часа. Два часа — это уже как недопустимый разврат и лень, или если с ношей. . .

В избе тети Маши я постепенно становлюсь своим. Характер у меня в общем покладистый. Может быть, я и останусь тут, хотя избёнка тесновата.

Познакомился, кроме завуча Николая Григорьевича Афанасьева, с бухгалтером («бухгалтер», как говорит тётя Маша) Александром Павловичем Федоровым. Директор школы — Зайкин, Виктор Тимофеевич, если не ошибаюсь. Завхоз школы Трофимов, дядя Ваня, пло-

хо говорит по-русски, но очень неплохо играет в шахматы. Мы с ним уже несколько раз сражались с переменным успехом, но я буду его обыгрывать. Есть уже знакомства среди учителей. Ладно, будем жить. Жизнь будет не шумная, но простая и здоровая. Меня тревожит только всеобщее пристрастие к кислушке. Моему желудку она вредит. Лучше водка раз в месяц, чем кислушка каждый вечер. Надо будет воздерживаться.

Уже темно, бросаю писать.

Горит керосиновая лампа, и можно писать дальше, было бы о чем писать. А писать-то, оказывается, и не о чем. Чувствую себя в общем неплохо.

Колхоз в Бишкаине довольно плохонький, но колхозники живут в общем ничего. Колхоз сам по себе, они сами по себе. Приторговывают на базарах, живут огородами. Кое-где в Башкирии, когда устраивались новые совхозы, общие собрания колхозников отказывались переходить на зарплату: в совхозе им будут сильно урезаны огороды. Зачем им идти в совхоз? Там нужно работать, выполнять план. Правда, зарплата постоянная и не зависит от причуд климата, как колхозный трудодень, но им важнее огороды, дающие им хоть видимость самостоятельного хозяйства. Это инстинкт собственности. Они не хотят пролетаризироваться.

Что писать о природе? Лесостепь, холмы, грибные перелески, берёзовая лесопосадка вдоль шоссе... Голубые волнистые горизонты, чёрные сжатые пашни и светлые поля низеньких по нынешнему году хлебов. Когда идёшь по шоссе в Белое озеро, сперва «за шеломянем» вырастает пустующая колоколенка села Ивановки. Перед Ивановкой маленьким табуном стеснились скирды. Когда пройдёшь Ивановку уже виден элеватор в Белом озере, а потом и серые и синие крыши станционного поселка. Среди этих домиков есть довольно нарядные, с расписными ставнями, с кудрявым садами. — Но пора есть вечернюю картошку, и я закрываю тетрадь.

24 августа. Суббота. Стоит жара. Напоследок лето развернулось во всю мочь, такие денечки, что куда твой июль-месяц! Сегодня я заставил себя сесть за бумагу, взять перо. Тетя Маша ушла на кордон к своим родственникам, и я переделывал и шлифовал II главу первой части романа. Впервые я набрался нахальства и написал это слово. Роман! Откуда он у меня взялся? Попробую припомнить.

В сентябре 1954 года, вернувшись от своих родных из Харькова, я очень быстро, в течение каких-нибудь четырех-пяти месяцев написал повесть. Место действия не называлось, но подразумевался Харьков. Сюжет строился на любви пары симпатичных молодых людей — Андрея Черкасова и Вали Перепеленко. Они выросли из персонажей моих школьных произведений и очень напоминают их. Повесть называлось то «Восемь дней» (или «Восемь дней августа»), то «Солнце августа», то «Августовские встречи»... Но это было или слишком претенциозно, или напоминало «Азоланские беседы», а то и вовсе «Causeries de lundi». Наконец, мне пришла в голову идея — назвать повесть словами девичьего гаданья по цветку: «Любит-не любит». Я был в восторге, я и сейчас не разлюбил это название. Полное гада-

ные: «Любит-не любит, поцелует-погубит, к сердцу прижмет — к чорту пошлет!» — я взял в качестве эпиграфа. Другой эпиграф гласил:

— *Гога, ты умеешь отгадывать сны?*

— *Нет. Я умею отгадывать только кроссворды.*

Не слишком-то остроумно. Это под влиянием одного великолепного эпиграфа у Хемингуэя: там у солдата, вернувшегося с мировой войны, спрашивают — какие они, француженки. Эрнст Хемингуэй применил это как-то здорово оригинально

Ну, ладно. Повесть "Любит-не любит" я начал переделывать. Отшлифовал начальные главы по несколько раз, но до середины так и не дошёл Зато сюжет и лица совершенно прояснились.

Кончая III-й курс, весной 1956 года, я написал несколько рассказов подряд. Среди них и рассказ «Старик» (впрочем, он написан ещё раньше, в 1955-м, кажется). Рассказ плохой, но в нем есть «рациональное зерно». На IV курсе, в конце 1956 года, я написал рассказ «Два лица города». Затем, уже кончая институт, весной и летом, я написал большой рассказ или небольшую повесть под названием «Рассказ Нины Лошкаревой». Уже чуть не с первых страниц я понял, что по настроению это продолжение повести «Любит-не любит», зачеркнул два — три имени на первых листах, заменил их знакомыми именами Андрея Черкасова, Вали, Игоря (друг Андрея) и написал, таким образом, продолжение повести. Рассказ от первого лица. На первое место выдвигается здесь Игорь Толкачев, полукомический персонаж из «Любит-не любит». Это гордый и вспыльчивый парень, поэт, защитник слабых и угнетённых, но отнюдь не Дон-Кихот: он очень непрочь выпить и порою срывается. Образ, конечно, отнюдь не цельный. Цельным, устойчивым, положительным будет у меня коренастый и спокойный Черкасов, в жилах которого течёт крестьянская кровь.

Что же случилось? Я посмотрел — чего-то не хватает. Чего? Начала. Итак, действие повести происходит в августе 1954 года, рассказ Нины — это весна 1955 — весна 1956 годов. А те прежние рассказы тоже войдут в общую массу: три рассказа. Один входит как интерлюдия, даже более, как важный сюжетный момент, в «Любит-не любит». В то же время линия от него тянется и к рассказу Нины, помимо простой связи общими героями. Два рассказа («Старик» и «Лицо города») пошли на построение первой части романа.

Первая глава написалась у меня уже перед самым отъездом в Бишкаин, уже в августе. Там в ней я страницы три — четыре не дописал, но все держу в уме. И как она сложилась? Тоже интересно.

Однажды вечером Витька Торопчин, как обычно, уезжал в командировку, и я проводил его на вокзал. Домой я ехал своим седьмым номером, стоял на задней площадке трамвая и смотрел. Чорт возьми! Когда ночь стирает краски, когда остаются только силуэты домов на фоне быстро темнеющего неба да жёлтые квадраты освещённых окон, город выглядит гораздо поэтичнее, чем днём Все манит, все таинственно, все полно очарования. Фигуры людей на улицах смягчены, расплываются в полумраке городской ночи, теряют свою заурядность и прозаичность. Ночью интересен каждый человек, каждый дом, каждая улица.

Детали приобретают особую значительность. Зелень садов, т. е. не зелень, а темная масса листвы, выступающей над оградами, кажется пышнее и богаче. Почему бы об этом не написать?

Настроение у меня было минорное. Я стал мысленно писать картину. Возникла уже фраза: «Ревность разлуки удесятеряет красоту покидаемого города». Итак, в ночное время герой покидает большой город, обильный садами и большими зданиями. Он мрачен, с ним произошло несчастье.

Какое несчастье? Кто герой?

Одновременно, в одну минуту, решились оба вопроса: герой это Игорь Толкачев, уезжающий из Москвы. Он не поступил в институт, хотя почти все сдал на пятерки. Почему не поступил и когда это было? Все подсказывали ассоциации с моей собственной ленинградской историей. Это было до смерти Сталина. Не поступил он из-за отца, не прошёл мандатную комиссию. Из повести "Любит-не любит" явствует, что Андрей и Игорь на два года старше меня. Значит, дело было в 1950 году (в 1954 году Андрей уже старшекурсник, в рассказе Нины он уже работает инженером). Что с отцом Игоря?

Я вспомнил историю женщины — врача, жившей в нашем дворе (ул. Зенцова, 14). Эта женщина во время войны побывала в Югославии. После памятной декларации Коминформа эту женщину заставляли выступать с собственными впечатлениями и рассказами о злодеяниях банды Тито (тогда кричащие заголовки в газетах извещали: «Югославская компартия — во власти убийц и шпионов!»). Женщина отказалась рассказывать о несуществующих злодеяниях. Ее исключили из партии. Это будет отец Гоши Толкачева.

Так, стоя на площадке трамвая, я сочинил главу. Это самое начало романа — 1950-й год. Рассказ Нины Лошкаревой кончается в 1956 году, летом. Мимо событий политической и общественной жизни, мимо проблемы молодежи я пройти не могу. В повести «Любит — не любит» есть амнистированные и стилиаги. Я переверну все свои дневники. . . Я напишу. . .

Прийдя домой я кинулся к письменному столу и включил мою любимую зелёную лампу. В голове роились готовые фразы, определения, нужно было только заносить на бумагу. Я писал, чувствуя необычную ясность и единство настроения. Глава началась так:

«Отвернувшись от шумной и веселой толпы молодежи, выходявшей из здания МГУ, человек побрел по Моховой».

Всю главу я писал под впечатлением моего 1 сентября 1952 года в Ленинграде, когда я так же смотрел на новоявленных студентов, недавно еще сдававших вместе со мной. Использовал даже подлинный документ — письмо из Министерства высшего образования, холодный ответ на мою пылкую апелляцию к «дорогому товарищу Сталину». . . Хорошо сложилась глава!

Через несколько дней подъем затормозился в спешке и суете последних уфимских попыток, но я все же успел почти закончить главу. I глава — «Перед отъездом».

И вот сегодня я переписал и сделал II главу первой части, вчерне сляпанную уже здесь в Бишкеке из рассказа «Старик» и отменённого пролога повести «Любит-не любит». И то

и другое говорило о поездке по железной дороге. Я слил все это и переработал. II гл. — «Недолгое знакомство» (или «Их надо убивать»).

Рассказ «Лицо города» или «Два лица города» будет использован в конце первой части. Обманувшись в своей любви к Рите, Игорь (осенью 1953 года) начинает выпивать. От выпивки он отходит в повести «Любит-не любит», и то не окончательно.

Таков скелет моего будущего романа. Замысел большой, сделано даже вчерне не более 50 %. Посмотрим. По крайней мере, есть для чего жить, есть чем заниматься в долгие зимние вечера в Бишкаине. Если смогу заниматься этим. Ведь у меня будут тетради по русскому и все такое прочее.

Параллельно с давнего времени (ещё до 1954 года) идут у меня и другие замыслы. Всегда меня интересовал французский восемнадцатый век. Я задумал большую новеллу о художнике Антуане Ватто. Но в Уфе ее написать невозможно: не хватает материала. Может быть, я ее не напишу. Может быть, и романа не напишу. Хотя последний я все же должен написать. Главная страсть романа — гуманизм и справедливость. В целом роман мыслится как хроника жизни двух молодых людей — Андрея Черкасова и Игоря Толкачева, родившихся в 1932 году. Хроника неполная, выпадает вся московская жизнь Андрея. Это потому, что я не знаю Москвы.

Но в целом жизнь нашей современной молодёжи будет освещаться приблизительно верно. Нужно будет вкратце изобразить и комсомол. Но как и что? С какой стороны? Только без оценки, через конкретные эпизоды.

Завтра же буду делать третью главу. Игорь приезжает домой. Дрожащий поцелуй матери. Игорь отвернулся, скрывая внезапную и жалкую судорогу лица. Две слезы в углах глаз отца. Потом долгий разговор дома обо всех обстоятельствах случившегося. Я еще не решил, писал ли Игорь в анкете об этом или кто-то донёс? Я забыл форму этой анкеты.

Если я за зиму напишу I часть (что вполне возможно), то летом я перепишу всю вторую («Любит-не любит»), зимой 1958–1959 годов перепишу III-ю часть и зачищу хвосты, а летом 1959 года повезу рукопись в Москву. Далеко загадываю, не сесть бы в лужу! Начал 31 августа 1954 года. По данному плану выходит почти 5 лет. Разве больше времени уходит на такие (средние) романы?

А как проталкивать? Ведь это гроб!

31 августа. Суббота. Разом столько новья, не знаю, с чего начать. Ну, постепенно.

Сначала Молотов застрелился. Затем он работал консультантом в Министерстве иностранных дел. Наконец, заслуживающие доверия люди сказали, что он отверг предложение работать послом в Аргентине и предпочёл перейти на пенсию. Сегодня радио сообщило, что он назначен послом в Монголию. Сотни тысяч, миллионы людей в России вздохнули свободнее. Нет, Хрущев далеко не так прост. . .

Далее. Каганович назначен директором или начальником треста «Союзасбест». Город Асбест в 80 км от Свердловска — грязный рабочий городок. Трест с его предприятиями имеет союзное значение. Каганович ходит по городу пешком, без охраны. Додик Флигель по-

бывал в Свердловске и в Асбесте и видел Кагановича и поклонился ему. Каганович здоров, крепок на вид, у него красное лицо — типичная «жидовская морда». Внешне он выглядит неплохо, но люди, работающие с ним, говорят, что он духовно убит и подавлен.

Шепилов, кажется, ректор Новосибирского университета. Наконец, Маленков заведует Бутырской ГРЭС в Западной Сибири. Эта ГРЭС еще строится.

Все эти новости я привёз из Уфы, где пробыл два дня. 26-го я поехал в Толбазы на учительскую конференцию, 27-го поздно вечером приехал домой в Уфу. В «Ленинце» от 27-го напечатана моя рецензия на повесть «Продолжение легенды». Я встретился с Аликом Глезером и познакомился с его маленькой, миленькой женой Галей. Говорил я со Славой Жереховым, который присутствовал при начале эпической драки на стадионе имени Кирова в Ленинграде. Вечером 29-го августа я встретил на улице Юрку Пацкова, окончившего в один год со мной 11-ю школу и перешедшего сейчас на шестой курс архитектурного института имени Репина. Юрка Пацков был на фестивале. Чтобы остаться в Москве, он пошёл в бригадмилыцы.

Он рассказывает, что московские проститутки осрамили фестиваль. Дорвавшись до иностранцев, они ложились с ними где попало, в любых кустах: в парках, на Сельхозвыставке, перед входом на нее. Бригадмилыцы вытаскивали пары из кустов, галантно извиняясь перед иностранцем и забирали девицу. Их увещевали, совестили на первый раз, а при повторных поимках применяли более жестокие меры: выстригали спереди волосы, причем они рыдали в три ручья, а наиболее злостных вывозили в автомобиле за 60 километров от Москвы и высаживали в пустынных местах. Милиция и бригадмилыцы сбились с ног. На обыкновенную, добропорядочную проституцию уже смотрели сквозь пальцы — лишь бы наплась комната и койка, но валяться по кустам не позволяли.

Из всех выставок Женьке Пацкову больше всего понравился фотоконкурс. Особенный восторг его вызвали польские фотографии. Японские фотографии отличаются откровенным натурализмом. Он описывал мне фото под названием «Утро»: девушка в ночной сорочке, лицом к объективу, гребень в зубах, обеими руками закидывает волосы. Другое фото, не помню какой страны, называлось «Двадцатый век»: крупным планом мощный поток автомобилей, снятых сильно и четко, а далее бледные и туманные фигурки уличных пешеходов. Тут целая философская доктрина, пессимизм — машины поработили людей, деградация человеческой личности и т.д. Фото: «Девочка и ветка». На переднем плане крупно протянулась безлистная ветвь, а в глубине комнаты виднеется маленькая обнажённая девочка.

Из американской живописи (или фото?) он припомнил «Пейзаж Чикаго» — сплошной дым, трубы и маленькие фигурки людей. Ещё что-то из его рассказов я не запомнил.

Из газет я знаю, что золотую медаль фестиваля получила мексиканская графика, а из наших скульптур — группа «Сильнее смерти», великолепно изображающая трёх военнопленных под дулами палачей (фото я видел в «Литературной газете»).

Алик Глезер рассказывал о джазовых концертах, больше всего прочего его интересовавших. Его привели в восторг английские и исландские джазисты, особенно rock and roll, захватывающий и музыкантов, и зрителей. Впрочем, эта музыка разделила публику на два враждебных лагеря: один вопил от негодования, другой безумствовал от восторга. Конечно, Алик принадлежал к последнему.

У Вити Торопчина 7-го сентября свадьба. Слава богу! Пусть кончится этот не на шутку затянувшийся роман. Шесть лет, подумать только. Я познакомил их осенью 1951 года. Из-за каких-то разочарований, из романтики, из скрещения жестоких нравственных принципов Витя прибег разок к бритве и чуть не отдал богу душу. На левой руке у него остались следы страшных порезов. Он измучил свою мать. . . Словом, пора! Хотя я знаю, что он не хотел связывать свою жизнь с Мусей. Из-за того и резался. Ему было нестерпимо даже представить разрыв, он слишком любит благородство. Он благороден и любит благородство, он немного Дон-Кихот, только с маленьким (очень маленьким) оттенком рисовки. Зато и любят же его девчата! Он очень славный и явно лучше меня в смысле моральном, хотя очень упрям и настойчив. Впрочем, «хотя» здесь не при чем: потому он и спорит, что благороден, прям и «не может молчать». Там, где я дипломатично и насмешливо промолчу, он ввяжется в отчаянный и безнадежный спор, причём спорит с гневом и досадой. В отличие от меня, он не сомневается в своей правоте, он субъективен, он Дон-Кихот, у него лицо человека мужественного, взгляд решительный, до фанатизма. Мы с ним совершенно разные люди, потому и сдружились. Оценит ли Муся, какого богатого мужчину она получает в свои руки?

В субботу я поеду на свадьбу.

Никита Сергеевич разразился большой статьёй: «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Ее передавали по радио, газета «Правда» 28-го января вышла на шести страницах. Статья эта — сокращённое изложение выступлений на совещании писателей в ЦК партии 13 мая 1957 г. (на правительственной даче, где он три часа говорил под сильнейшим шефе), на партийном активе в июле 1957 года. Статья составлена из трёх речей, и, несмотря на сокращения, занимает полные три полосы.

Хрущев припомнил Сталина, оторвавшегося от жизни народа, никуда не ездившего, с работниками сельского хозяйства не советовавшегося. «Вскоре после окончания войны я ездил в деревню, где родился, там зашёл к двоюродной сестре. У нее был сад. Я сказал ей:

— У тебя замечательные яблоки.

Она ответила:

— Осенью их срублю.

— Почему?—спросил я.

— Приходится платить большие налоги, — заявила она. Невыгодно иметь сад.

Я рассказал об этом разговоре И. В. Сталину, сообщил ему, что колхозники сады рубят. А он мне потом сказал, что я народник, что народнический подход имею, теряю пролетарское классовое чутье.

... Положение осложнялось и тем, что личные недостатки Сталина были использованы во вред нашему делу заклятым врагом партии и народа провокатором Берия.

Большая вина в этом деле лежит и на т. Маленкове, который подпал под полное влияние Берия, был его тенью, был орудием в руках Берия. Занимая высокое положение в партии и государстве, т. Маленков не только не сдерживал И. В. Сталина, но очень ловко пользовался слабостями и привычками Сталина в последние годы его жизни. Во многих случаях он толкал его на такие действия, которые заслуживают строгого осуждения».

Далее Хрущев говорит, что книги, где изображается Сталин, вовсе не обязательно неправильны, что книги эти по большей части правильны, что к Сталинским премиям следует относиться с уважением. «Если бы я имел Сталинскую премию, то я носил бы почётный знак лауреата». Хрущев разносит "некоторых интеллигентов": «Они придумали и пустили в обиход такое бранное словечко, как «лакировщик»...»

Никита Сергеевич обеляет всех лакировщиков и объявляет само слово порочным, бранным термином. «К числу тех, кого называют презрительной кличкой «лакировщик», отнесён проработчиками, например, такой писатель, как тов. Грибачев и некоторые другие».

Хрущев ругает роман В. Дудинцева «Не хлебом единым». «В книжке Дудинцева есть и правильные, сильно написанные страницы, но общее направление книги неверно в своей основе. У читателя создаётся впечатление, что автор этой книги не проникнут заботой об устранении увиденных им недостатков в нашей жизни, он умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостаков». Эти слова восхитили меня: у Никиты Сергеевича есть чутье, он только выразить ясно мысль не умеет. Действительно, у Дудинцева есть мазохистская любовь к страданию, до зубной боли мучительное смакование подлости и насилия, своего рода сладострастное самобичевание. В этом смысле весь 1956-й год был сплошным «шахсей»-вахсеем». Тут Хрущев в известной мере прав. Но потом он начинает зло ругаться.

«Особо следует сказать о тов. Алигер, которая и до сих пор придерживается того взгляда, что линия альманаха «Литературная Москва» была якобы правильной, она берет под защиту опубликованные в альманахе произведения, в которых протаскиваются чуждые нам идеи».

«Советские люди отвергают и такие, по существу, клеветнические сочинения, как книга Дудинцева «Не хлебом единым», и такие слащавые, приторные фильмы как «Незабываемый 1919 год» или «Кубанские казаки».

Хрущев обрушивается на «поборников «свободы творчества», которых «тяготит руководство литературой и искусством со стороны партии и государства».

Пример из эпохи культа личности. «Мне с большим трудом удалось оградить от разносной критики такого заслуженного писателя, каким является Максим Рыльский, за его стихотворение «Мать», полное глубоких патриотических чувств. Главным поводом для необос-

нованных обвинений против Рыльского и нападок на него послужил тот факт, что в этом стихотворении, воспевающим Советскую Украину, не было упомянуто имя Сталина. И т.Каганович, который подхалимничал и все делал для раздувания культа личности Сталина, стал изображать Максима Рыльского как украинского буржуазного националиста. Он играл на слабых струнках Сталина, не думая о тех тяжёлых последствиях для украинской, да и не только украинской литературы, к которым могли бы привести эти необоснованные обвинения по адресу уважаемого украинского писателя — патриота Максима Рыльского. Надо сказать, что это могло бы привести к тяжёлым последствиям и не только для литературы».

В конце зловецкий намек. . .

Да, трио Каганович-Молотов-Маленков — это, конечно, сталинисты. Но едем дальше:

«Известно, например, что подвергались критике со стороны общественности и некоторые недостатки в работе замечательного нашего поэта тов. Твардовского, заслуги которого в развитии советской литературы получили широкое признание. Дружеские беседы с тов. Твардовским дают основания надеяться, что этот художник слова сделает необходимые выводы и порадует читателей новыми хорошими произведениями. Общественность в своё время резко критиковала такого крупного писателя, как тов. Панферов. Мы считаем, что это было правильно. Тов. Панферов теперь сам признает, что критика пошла ему на пользу».

Итак, Хрущев за Панферова! Панферов говорил приветственную речь на аэродроме. Панферов снова редактирует толстый журнал («Октябрь», что ли?). Хрущев предлагает создать Союз писателей Российской Федерации.

1 сентября. Воскресенье. Продолжаю записывать все новое. Французский писатель Жан Пьер Шаброль, делаясь в "Литературной газете" впечатлениями о фестивале, пишет:

«Я встретил представителей Израиля. Их двести человек, и они образуют одну единую делегацию, что уже само по себе чрезвычайно важно. Сто из них — сионисты, приверженцы Бен-Гуриона, порой свирепо ненавидящие арабов, отказались поехать с сотней других своих соотечественников, объявивших себя сторонниками мира. Теперь они живут вместе. Почти все они — солдаты армии Моше Даяна и носят в бумажниках свои военные билеты, где указано, что в сентябре они должны быть призваны и что если они не явятся, то будут преданы военному трибуналу; у них есть при себе и документ «для чтения за границей». Этот текст напоминает им, что они израильские военные и что, как только будет объявлена война, они обязаны тотчас явиться к своему послу, который становится их фактическим военным начальником.

Многие из них приехали с вполне определёнными намерениями. И они вначале соответственно вели себя: в день приезда они обегали всю украшенную флагами столицу в поисках израильского национального флага: они пришли в замешательство, обнаружив большое число своих флагов. «Слишком много — это уже нарочно, не так ли?». Они умели находить подходящие для себя и своих взглядов объяснения всему тому, что их удивляло: «Если москвичи не так плохо одеты — это специально к фестивалю; если они много едят — это чтобы

меньше размышлять, и т.д.»... Я ничего не выдумываю. Они также стремились установить контакты с евреями, чтобы похвалиться обетованной землёй Бен-Гуриона. Но и здесь их ожидали сюрпризы. Дешёвая ирония в Москве быстро изнашивается и нередко обращается против ее авторов.

Один из израильтцев, сказал мне, смеясь:

— Я перечитал мой «документ». Итак, если начинается война, я бегу к своему послу, шелкаю каблуками и говорю: а вот и я. Потом я беру револьвер, иду на площадь Маяковского и пиф-паф!

Это было уже в последние дни, и именно фестиваль сделал возможным такое критическое направление мыслей в его голове, такое отношение к инструкциям своего правительства.

Шовинизм и фанатизм сильно пострадали за эти две недели».

«Железные » убеждения были поколеблены материальными доказательствами, необычайно прямыми и непосредственными. Например, некоторые студенты, считавшие будапештских контрреволюционеров главными героями, а защитников осаждённого городского комитета партии — полицейскими-убийцами, получили возможность встретиться с Йожефом Фаркашем и Лайошем Шамоди, двумя из этих защитников, которых можно узнать по фотографиям из «Лайфа» (облетевшими весь мир), где изображены расправы без суда и следствия на улицах Будапешта. Фаркашу и Шамоди чудом удалось выжить, после того как они были расстреляны. Спокойно, почти бесстрастно рассказывают они всякому, кто приходит повидаться с ними, как происходила эта расправа. Они отвечают на вопросы. На все. Так пересматриваются представления о ноябрьских событиях в Венгрии — представления, полученные в Париже, Лондоне и Риме. Разумеется, после подобной беседы сторонник «славных повстанцев » не начинает сразу же считать их всех фашистами, но он не может больше называть их всех «полицейскими — палачами» этих юношей, тяжело раненных, еще едва оправившихся после пережитого ими кошмара.

«Шаги гостей, посетивших Кремль, будут долгим эхом звучать в сознании людей. Они черпают своё звучание в глубине веков древней Руси, в волшебстве этого слова, словно отлитого из меди: Кремль. Для одних он звенел погребальным звоном, для других — благовестом. Многим из делегатов удалось прожить одну из московских, кремлёвских ночей с прожекторами, фейерверком, пушечными залпами и звуками фанфар — увидеть зрелище, приготовленное для них в декорациях восточной сказки, многие пережили эту тысячу и вторую ночь. Другие смогли вечером 5 августа поужинать под открытым небом вместе с Хрущевым, членами правительства и руководителями Коммунистической партии Советского Союза».

Идёт война в Омане. Англичанами командует генерал Джон Глабб. Против бедуинов с их ружьями Англия бросила современную артиллерию, реактивные самолёты, сухопутные войска. Эта маленькая страна богата нефтью.

Сенсацией августа 1957 года был выход писателя Говарда Фауста из Коммунистической партии США. Это Говард Фаст, автор романов об индейцах и неграх, друг Поля Робсона герой Пикскилла, критиковавший «Старик и море» Хемингуэя. . . Фаст, чьи произведения изучаются в наших вузах (но не изучаются Стейнбек, Фолкнер, Хемингуэй, Колдуэл, Сароян, Синклер Льюис и др.).

Мотивы его разрыва с компартией: 1) Он не доволен ходом событий в коммунистическом мире; 2) он считает, что американская компартия «не в состоянии более внести сколько-нибудь эффективный вклад в дальнейшую борьбу за демократию и социальную справедливость».

В большой статье «Мое решение» (журнал «Мейнстрим») Фаст пишет о «последствиях культа личности в Советском Союзе», о дискриминации национальных меньшинств и об антисемитизме в Советском Союзе, рисует мрачную картину жизни советских граждан, называет «тиранией» диктатуру пролетариата и восхваляет «замечательную вещь — Американскую Демократию». Говард Фаст говорит, что правительство США можно обвинить лишь в «мелкой тирании» и «ярко выраженном безумии» в области внешней политики. Фаст говорит, что в «кризисе в Египте» Советский Союз прибегал к «новой тактике», напоминающей «балансирование на грани войны».

Это утверждение оспаривает Герберт Аптекер в своем ответе Фасту (журнал «Мейнстрим»):

«Однажды премьер Израиля Бен-Гурион сказал: «Превентивная война была бы безумием». И он обещал: «Мы никогда не начнём войны. Мы не верим, что война заключает в себе способ разрешения исторической проблемы». Месяц спустя армии и бомбардировщики премьера атаковали Египет. . .

Нападение было координировано всеми тремя государствами, это была презренная агрессия, попытка худшими методами белых империалистов подавить национально-освободительное движение в Северной Африке». Далее Герберт Аптекер пишет: «Советский Союз, как не раз в прошлом, встал на защиту мира против империалистической агрессии. В нотах, беспрецедентных по своей твёрдости и прямоте, он потребовал немедленного прекращения применения силы против Египта».

В числе своих четырнадцати учителей Говард Фаст не назвал Ленина.

Писатель Филипп Боноски назвал поступок Говарда Фауста «дезертирство под огнем». Этими словами озаглавлена статья в «Литературной газете», где говорится обо все этом.

Фаст, имея в виду Советский Союз и Коммунистическую партию Советского Союза называет себя «жертвой самого невероятного обмана».

В августе 1957 года в США начался скандальный процесс по делу журнала «Конфиденшл», основанного в 1953 году дельцами сомнительной репутации. Тираж журнала превышает 4 миллиона экземпляров, и каждый экземпляр даёт издателям 173 14,5 центов чистой прибыли. Журнал подробно освещает альковную жизнь знаменитых людей, преимущественно кинозвёзд и миллионерш; рекламирует медицинские средства, вызывающие по-

худение, способствующие выкидышам, превращающие чёрную кожу в белую. Порнографию и подпольную медицину журнал сочетает с антикоммунистической пропагандой. В каждом номере журнала «Confideral» публикуются 5–6 скандальных сообщений о любовных связях голливудских актёров и актрис с чужими мужьями и жёнами, с их шоферами, буфетчиками, боксёрами. Рядом — антикоммунистическая статья в том же скандальном духе. Одна такая статья, например, озаглавлена «Красная возлюбленная Роберта Опенгеймера»: в ней сообщается, что у известного атомного физика был когда-то роман с коммунисткой.

Процесс происходит в Лос-Анжелесе (штат Калифорния). Он возник потому, что некоторые лица: миллионерша Дорис Дьюк, ряд голливудских актёров и режиссёров — обвинили журнал «Confideral» в клевете и потребовали миллион долларов в качестве возмещения убытков. Суд превратился в непристойное зрелище, на котором заново смакуются все подлости со страниц журнала «Confideral».

Пострадавшие от неприличных разоблачений самые влиятельные деятели американской кинопромышленности не выражают ни малейшего беспокойства и хранят молчание. Скандал идёт им на пользу. Газета «Дэйли миррор» пишет: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденшл».

Обеспокоенная процессом английская газета «Дейли мейл» 22 августа писала, что советская пресса обязательно воскликнет: «Вот эта Америка, одержимая сексом и отупевшая от пьянства». Процесс даёт возможность советской пропаганде изобразить США как «разлагающуюся, аморальную, неврастеническую страну», где «одна из важных областей для деятельности (кинопромышленность) находится в руках развратников, пьяниц и извращенных в сексуальном отношении людей.»

Что ещё?

На карте мира появилось новое независимое государство — Малайя (премьер Абдул Рахман). Вчера, 31 августа, в столице Малайской федерации был спущен британский флаг и поднят малайский. Вместо «Боже, храни королеву» играли новый малайский гимн. Герцог глостерский от имени королевы Елизаветы вручил конституционные грамоты.

ТАСС на днях сообщил об успешно проведённом испытании межконтинентальной баллистической ракеты, которая взорвалась на заданной высоте. Это сообщение произвело большое впечатление во всем мире. Полученные результаты показывают, говорится в сообщении, что имеется возможность запуска ракет в любой район земного шара. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщает из Вашингтона: «Успешное создание Россией межконтинентальной ракеты раньше Соединённых Штатов значительно меняет соотношение сил на мировой арене. Русская военная мощь сделала гигантский бросок вперёд с момента взрыва первой советской водородной бомбы в августе 1953 года. В настоящее время не существует никакой защиты от межконтинентальной баллистической ракеты, несущей водородную бомбу.»

В июне 1957 года в США окончились неудачей испытания межконтинентальной ракеты «Атлас». Россия первой создала «мировую бомбу», как называют на Западе межконтинентальную ракету, несущую водородную бомбу.

Сергей Хрущев, сын премьера учился в Москве в показательной школе. Учился плохо.

Рассказывают, что на июньском пленуме Президиуме ЦК голосование шло под принуждением. В здание были введены части КГБ, которым руководит Серов, шурин Никиты Сергеевича.

Из-за Галины Улановой погиб английский реактивный самолёт. Когда она подлетала к Лондону, аэродром был в тумане. Тогда было срочно приказано поднять в воздух самолёт военного флота; Уланову посадили на военный аэродром, а ту машину погнали в другое место. При посадке в тумане военный самолёт потерпел аварию.

В сентябре в Лондоне премьера фильма «Король в Нью-Йорке».

Завтра, 2-ое сентября, первый день нового учебного года и первый день моей педагогической деятельности. В первый же день у меня пять уроков!

Я совершенно спокоен, что предвещает грандиозный провал. Но посмотрим.

На этом я кончаю первую тетрадку своего бишкаинского дневника. Кажется, как давно это было: тускло освещённый коридор редакции «Советская Башкирия», сторожиха в углу, и мы с Козминым на диване разговариваем о Белорецке. Нет, карьера журналиста что-то не дается мне в руки!

2 сентября. Понедельник. Сельский учитель (продолжение).

Начало учёбы Дал в первый же день пять уроков. Понял, что жизнь не легка.

3 сентября. Вторник. В Бишкаине читают «Ленинец». Заметили мою последнюю рецензию. «Это Рамен Гафаныч написал», — говорили в учительской. Когда я уезжал из Уфы, в «Советской Башкирии» мне дали задание написать о бишкаинской фельдшарице, я написал и послал зарисовку гранок на четыре.

Малайя — конституционная монархия в составе Британского содружества наций. Одиннадцать штатов. Столица — Куала-Лумпур. 31 августа бывшая колония получила независимость. Первым премьер-министром Малайской федерации стал Абдул Рахман, султан княжества Негри-Сембилая. По конституции верховный правитель федерации избирается султанами входящих в ее состав княжеств. Сегодня радио сообщило, что малайские курфюсты избрали первым королём Абдул Рахмана. Срок полномочий короля — пять лет. Главное богатство Малайи — оловянная руда (первое место в мире) и каучук (второе место).

Сегодня я дал три урока и читаю Лескова. Выступления Хрущева приветствуют в «Литературной газете», среди прочих, Сергей Смирнов и Валентин Катаев. Союз писателей РСФСР скоро уже будет организован.

В школьной библиотеке я вдруг раскопал «Избранные эпиграммы» Марциала (M. Valerius Martialis).

Он родился в Испании, в городе Бильбилисе, около 40 года нашей эры. Прибыл в Рим при Нероне в 64 году. Писать начал при Тите, во всю силу развернулся при жестоком Домициане, который воскресил нероновский террор, перестал считаться с сенатом и приказал величать себя «господином», «нашим богом». С Домициана начинается режим домината (от «dominus» — господин). Этот восточный деспот сделал Марциала военным трибуном и вписал в сословие всадников. Острый и резкий в большинстве своих эпиграмм, Марциал униженно льстил Домициану и его постельничьему Парфению. Умер Марциал в родной Испании около 104 года. Многие его эпиграммы отличались грубостью и цинизмом. Окружение поэта составляли такие передовые люди как Квинтилиан, Плиний Младший, Ювенал и другие. Для Марциала свойственно гуманное отношение к рабам, свойственное представителям модной стоической философии Эпиграммы Марциала пользовались большим успехом, его много читали, и поэты-плагиаторы выдавали его стихи за свои. Его двенадцать книг эпиграмм читали в Галлии и Британии. «Мой кошелёк вовсе не знает о том», — восклицал Марциал. Он никогда не был богат.

В этом сборнике, у меня на коленях, выхолощена вся эротика Марциала. Но все равно, очень интересно.

27-ая эпиграмма из 1-ой книги.

Прошлой ночью тебе, Проилл, я молвил,
Выпив, думаю, пять уже киатов,
Чтоб ко мне приходил обедать завтра.
Ты подумал, что слажено уж дело,
И нетрезвым словам моим поверил.
О, подобный пример весьма опасен:
«Ненавижу я тех,кто пьет и помнит».

В подлиннике греческая поговорка: «Ненавижу памятьливая собутыльника». Киат — мера жидкости, равная 0,455 литра. Марциал проповедывал умеренность и воздержание как в быту, так и в любви. Он был умеренный эпикуреец типа Анатоля Франса. Вот что он пишет в 1-й книге:

57.

Флакк, твой вопрос: какой бы хотел и какой не хотел бы
Женщины я ? Не хочу падкой или гордой. О, нет!
А середина меж них — вот это я одобряю;
Мук я в любви не хочу, сытости я не хочу.

Известно, что в Древнем Риме курорты были местами утончённейшего и широкомасштабного разврата. Провинция Кампания славилась курортами: модным курортом были Байи — приморский городок, озеро Аверн около Бай и озеро Лукрин, тоже в Кампании. Точь в точь как теперь наши Сочи: «все мужчины холостые, все женщины незамужние».

62.

О, Левина чиста, не уступит древним сабинкам,
Даже суровой она, чем ее грозный супруг.
Но, посещая Лукрин иль себя отдавая Аверну,
Иль же байской водой грея все чаще себя, —
Вдруг попала в огонь: из-за юноши — мужу измена!
Так Пенелопой пришла, ну, а Еленой ушла.

Т.е. прибыла верной супругой, а отправилась обратно, уже совершив прелюбодеяние.

73.

Не было в городе всем никого, кто хотел бы задаром,
Цецилиан, за твоей поволочиться женой,
Хоть позволял ты. Но вот ты стражу приставил — и толпы
Лезут любовников к ней. . . Цецилиан, ты не глуп!

Известное дело, запретный плод всегда слаще! А в 109-й эпиграмме Марциал изображает Публия, который нежно любит собачку Исса. Исса для него милее девушек, она спит у него на груди. Если ее принудит желудок, она не испортит простыни малой каплей, а толкнет лапкой хозяина и разбудит его, чтобы он спустил ее с ложа. Публий велел нарисовать с нее картину.

Книга II. Портрет d'un nouveau riche начала домицианова правления.

29.

Руф, ты видишь того, кто всегда на первых скамейках?
Видно отсюда: рука вся в сардониках горит.
Плащ его множество раз вбирал в себя тирскую краску;
Тога белей у него, чем незапятнанный снег.
Запах блестящих волос по всему несется театру;
Гладкие руки блестят: ни одного волоска.
С лункою обувь его не вчерашнюю пряжку имеет,
Красный сжимает башмак ногу, совсем не тесня.
Множество мушек пятнит его лоб, — и стал он как в звездах.
Кто это, знаешь ли ты? Мушкиними и прочтешь.

Это богач, рагвечи, одетый в белую тогу (знак римского гражданства), в пурпуровом плаще (тирская краска — пурпур, производился в городе Тире, Финикия), в сардониковых перстнях, с надушенными волосами, с руками, с которых удалены волосы. Обувь с лункой (то есть с пряжкой в виде полумесяца) носили патрицианские сенаторы. А мушки на лбу скрывают клеймо бывшего раба.

Эпиграмма 43. Там говорится о Кандиде, друге автора, постоянно твердящем греческую поговорку: «Общее все у друзей». Кандиди богат, ткани для его тоги дали Калабрия или Циспанданская Галлия, рубашки присланы из Финикии, у него стол из «ливийских досок на слоновых клыках». На золоченых блюдах у Кандида расprostерты барвены (барвена — рыба — краснобородка, *mullus barbatus*). Свита рабов у Кандида поспорит с троянским распутником. Автор же одет в бедную тогу, его красная рубашка не стоит и трех нуммов (нумм-серебряный грошик). Марциал ест за буковым столом, на его тарелке краснеет жалкий краб.

И Кандид от своих богатств ничего не уделяет старинному, верному другу, только твердит: «Общее все у друзей». Вообще Марциалл часто попрекает скупостью своих богатых друзей. Марк Гавий Апиций, гастроном и мот времен Августа и Тиберия, проевший 60 млн. сестерций, покончил жизнь самоубийством. Вместо некролога Марциал посвятил ему эпиграмму (книга третья):

22.

Мильонов шестьдесят спровадил ты в брюхо,
И все ж, Апиций, оставалось их десять.
Но с перепугу, что тебе грозит голод,
Ты напоследок угостил себя ядом.
Таким обжорой, право, ты еще не был.

Далее:

26.

Денег твоих, ты единственный Кандид, владелец.
Золото — только твое, также лишь твой и фарфор;
Твой же и массик всегда и цекубские метки Опимий;
Сердцем владеешь один; ум безраздельно лишь твой.
Всем ты владеешь один, не подумай, что я отрицаю.
Только супруга твоя — общая, Кандид, для всех.

(Массик — одно из лучших итальянских вин с горы Массика; цекуб — одно из лучших итальянских вин из южного Лациума; Опимий-консул 91-го года до н.э.; в этом году был лучший сбор винограда в Италии).

33.

Я благородной хочю; в благородной отказано будет —
Первою после нее пусть либертина идет.
Место последнее дам я рабыне; но первых обеих,
Коль благородна лицом, смело она победит.

(Либертина — вольноотпущеница).

Очень мне пришлась по вкусу 51-ая, из III книги. Довольно простодушное и милое сладострастие римлян. Все же у них было меньше лицемерия, условностей, разврат был прост:

Если хвалю я лицо, хвалю твои руки и ноги,
Галла, ты тотчас в ответ: «Голой я лучше еще»
Но избегаешь, дружок, со мной отправиться в бани.
Уж не боишься ли ты, что не понравлюсь тебе?

Судя по эпиграммам Марциалла, время римлянина больше всего занимали еда, любовь и бани. Очень многие эпиграммы носят поистине гастрономический характер, где перечисляются вина, рыбы, плоды, мясные блюда и т. д. Богач ест устриц, упитанных в водах Лукринского озера, благородные грибы, камбалу, жирную гузку жёлтой горлицы, барвену весом в два фунта, мурену, куропатку, голубя, кур и т.д. Пьет вина, стоящие чуть не со времён Нумы Помпилия. Сладкие пирожные, дрозды, фазаны — бесконечный натюрморт в стихах. . .

Римский *comme il faut* (из 63-й эпиграммы):

Светским кого называть? — Кто подвит и причесан красиво,
Благоухая всегда запахом тонких духов;
Кто напевает мотив или нильский или с Гаусса
И безволосой рукой может изящно играть;
Кто просидит целый день среди занятых женами стульев,
Речью своей без конца в чье-нибудь ухо звеня;
Письма читает всегда отовсюду, сам пишет записки
И отойдет, коль сосед может одежду помять;
Знает, в кого влюблён; на пирушки является вечно
И призового коня дедов сумеет назвать.

А еще сильнее эпиграмма на богатого и грубого хозяина: книга третья, восемьдесят два. Привожу ее всю целиком:

Коль кто с Зоилом может пировать вместе,
Средь баб подстенья пусть обедает лучше,
Пусть пьет у Леды, не пьянясь из ваз скудных;
Готов я клясться, так опрятнее, лучше.
Отбивши место, неженкой Зоил ляжет;
Тут влево, вправо гостя он толкнет локтем;
Подушкой алой подопрётся из шелка,
А как рыгнёт, сейчас же даст ему отрок

Кусков мастичных или перышек красных.
 Коль станет жарко, с ним лежащая девка
 Махнет зеленым опахалом — и свежесть!
 От мирта веткой гонит мух с него мальчик,
 По телу ловко натиральщица шарит,
 Рукой привычной все обегает члены.
 И знает евнух: только щелкнет тот пальцем —
 Ему забота за мочой следить нежной,
 Струю направлять пьяному, чтоб шла верно.
 Назад склонившись, где рабы у ного вьются,
 С щенками вместе, что сосут гуся потрох, —
 Зоил свинину меж гимнастами делит,
 Дает любимцу он от горлицы гузку.
 От скал лигурских наливая нам вина
 Иль муст — был сделан в массилийском он дыме, —
 Шутам он нектар льет Опилия метки,
 В сосуд хрустальный или фарфоровый льет он.
 Облит духами из бутлочек Косма,
 Он не стыдится нам духи блудниц бедных
 Из золоченых раковин своих вылить.
 Вином сраженный, спит он: только храп слышен.
 И не встаем мы — всем молчать велел храпом, —
 Руки движеньем подаем слова здравиц.
 Так, Малхиона спесь негодного терпим. . .
 И отомстить ему нельзя: он так гнусен.

Примечания. 1) Подстенье — место в Риме, вероятно под древней городской стеной. 2) Леда — римская проститутка. 3) Косм — торговец благовониями в Риме. 4) Малхион — противный, «гнусный». Обозначение развратника. У Петрония в «Сатириконе» Трималхион — «трижды гнусный».

Есть у Марциала и пейзажи. Кн. IV, эп. 64.

Дачка Юлия Марциала, прелесть!
 Гесперидских садов ты богаче,
 На Яникуле ты высоты держишь,
 От холмов пробегает ширь уступов.
 Ровный верх с небольшим всего подъёмом
 Чистотой наслаждается небесной, —
 Как холмов кривизну туман покроет,
 Ярким светочем верх тот загорится.

И легко убегает к чистым звёздам
Кровля стройная на высоком доме.
Семь владычных холмов оттуда видно,
И весь Рим рассмотреть подробно можно,
Тускуланские горы, горы Альбы,
Все прохладные местности под Римом,
И Фиден старину, поселок Рубры,
Анны рощу плодовую Перенны, —
Юной крови она животных рада.
На Фламиниевой и на Соляной
Вот носильщики; их повозки тихи,
Чтоб колесами сон не нарушить сладкий.
Не мешает ему ход лодки ровный,
Не мешают и лодочников крики,
Хоть и Мульвиев мост вблизи, — и кили,
Заскользив, полетят священным Тибром.

И т. д. Юлий Марциал — друг поэта Марциала. Яникул — один из семи холмов Рима, на правом берегу Тибра. Тускул — древний город в Лациуме. Альба — древний город в Лациуме на юго-восток от Рима, на склоне Альбанского холма. У подошвы этого холма находилась домицианова вилла, которую Марциал называет Палладина Альба: Домициан ежегодно устраивал в этой вилле жертвенные пиры в честь Паллады.

Фидены — город между Римом и итальянским городом Вейями. Рубры — скалы и каменоломни в Этрурии, у Фламиниевой дороги. Анна Перенка — римская богиня года.

Соляная дорога (via Salaria) — служила для подвоза соли, вела из города Реаты в Рим. Фламиниева дорога (via Flaminia) — дорога из Рима на Армин и Милан. В самом Риме она называлась via Lata (ныне Корсо). На Фламиниевой дороге находился и Мульвиев мост под Римом (Ponte Molle).

Книга V.61.

Кто ж это в кудрях стоит и к жене твоей льнет беспрестанно?
Кто же такой, Мариан, кто ж это в кудрях такой?
В нежное ухо журчит госпоже он без устали что-то
И на сиденье ее правым локтем оперся.
Легкие перстни бегут через все его пальцы красиво,
И ни один волосок не безобразит ноги.
Что ж не ответишь ты мне? А! дела, говоришь, у супруги
Ведает он и делец, очень надежен и тверд.
Да и лицом-то своим управителя он обличает
Даже Авфидий не мог дело так ловко вести.

Как бы достоин ты был, Мариан, заушенья Латина!
Будешь Панникулу ты, видно, преемник прямой.
Значит, супруги дела! Вести что-то может кудрявый!
Нет, не супруги дела: дело справляет твоё!

Авфидий с Хиоса-современный Марциалу юрист, упоминаемый и Ювеналом как известный развратник. Лати и Панникул-мимические актеры.

64.

Два секстанта налей, Каллист, в мой кубок фалерна,
Летнего снега подбавь ты сверху, Альцим. Пусть мой волос
Блестит, увлажнённый чрезмерно бальзамом
Пусть и гирлянда из роз мне украшает виски.
Жить нам приказ отдают стоящие здесь мавзолеи:
«Может и бог умереть», так ведь они говорят.

Секстант — 2 киата. Фалерн (по области фалерн) — лучший сорт Кампанского вина. Это густое тёмное фалернское вино римляне разбавляли холодной водой или снегом.

84.

Грустен стал ученик — конец орехам,
Строгий снова зовёт его учитель...
В кости все проиграв, что так и манят,
Взят дозором игрок в притоне тайном, —
Опьянённый стоит, моля Эдила
Сатурналий конец! Прошёл весь праздник,
Мне ж и малых даров, безделок сущих,
Как в былые года, не шлешь ты, Галла.
Что ж! Пусть так и пройдет мой день декабрьский
Знаешь, думаю, ты : придёт ведь скоро
Праздник также и ваш — календы марта.
Тут-то, Галла, тебе твое отдам я.

Эпиграмма посвящена окончанию сатурналий (дней Сатурна, празднеств в честь этого божества, правившего в золотом веке). Во время этого пятидневного «декабрьского праздника» дарили друг другу подарки, угощали рабов за господским столом и прекращали всякие работы. Галла не прислала автору обычных даров. Поэт напоминает о мартовских календах, т.е. о дне 1-го марта, когда в Риме праздновались Матронами (женский праздник в честь Юноны). Эдилы — римские полицейские комиссары, надзиравшие за рынками и уличным порядком, ими выдавалась *licentia stupri*, т. е. билет проститутки).

В 7-й книге (61) Марциал хвалит Доминициана, расширившего улицы. «Римом сделался Рим, был он харчевней большой».

76.

Друг у друга тебя вельможи тащат
Иль к себе на пиры, в театр, или в портик.
Как сойдутся с тобой, приятно видеть
Им в носилках тебя, иль мыться вместе.
Но не очень хвались такой удачей:
Нет любви, Филомуз, ты им забава.

Несмотря на весь свой гуманизм в отношении рабов, Марциал наказал бичом повара за обед и считает это в порядке вещей.

Книга 8-ая.

53.

Было что или есть тебя прекрасней?
Было что или есть тебя противней?
О Катулла, тебе я пожелаю
Меньше прелести, но стыда побольше.

59.

Вот посмотри: один глаз у него, но ему и довольно;
Вместо второго — провал гнойный под вдавленным лбом.
Это первейший ловкач! Найдётся ль другой вороватей?
Сам Автолик не имел столь изощрённой руки,
В гости придет, -берегись и следи за ним неустанно:
Удержу нет на него; смотрит он в оба, кривой!
Тут из-под носа у слуг пропадают и кубки, и ложки,
И уж за пазуху он много салфеток убрал.
Плащ, соскользнувший с плеча, умеет он также подтибрить,
В двух он одеждах домой часто идет из гостей.
Раб молодой задремал, — он светильник из рук его вынет,
Не постесняясь своровать даже корящим его.
А не украл ничего — подойдёт он к месту сандалий:
У своего же раба стащит он обувь свою

(Автолик — вор из «Одиссеи»)

Если и видел иной сады у владыки Корциры,
 Все же пенатов твоих сад бы он выбрал, Энтелл. —
 Чтобы пурпурную ветвь зима не схватила морозом,
 Стужи бы холод не съел стужи прекрасных даров, —
 Вот виноградник живет, прозрачным охваченный сводом;
 К благу покрыта лоза, но не сокрыта совсем.
 В шелковой ткани своей так светится женское тело,
 Камешки в чистой воде можно так все перечесть.
 Да, человека уму чего не откроет природа:
 Вот и бесплодной зиме сказано осенью быть!

(Корцира, ныне Корфу — у Гомера Схерия, остров феакийцев. Владыка Корцир — гостеприимный Алкинай, царь феакийцев, отец Навсикаи. Энтелл — вольноотпущенник Домициана и его секретарь по приёму прошений).

5 сентября. Четверг. Интересная статья в «Комсомольской правде» от 1 сентября. Автор Р. Ирина, заголовок «<Живой бог> умер».

Несколько лет назад автор этой статьи была в Париже, в «Гранд-опера», на симфоническом концерте знаменитого приезжего дирижера Вильгельма Фюртванглера. После изумительно сыгранной немецкими музыкантами увертюры из «Тангейзера» публика в антракте прогуливалась в фойе.

«Кто-то из знакомых французов показал нам старого полного человека в темных очках, окружённого оживлённой толпой писателей и артистов.

— О! «Живой бог» по своему обыкновению находится в окружении муз, — с улыбкой заметил наш спутник. — Посмотрите-ка на него внимательней, это очень любопытная личность».

Это и был крупный французский капиталист и делец, миллионер Ага-хан, любитель игры в гольф, чьи портреты не сходили со страниц парижской вечерней прессы. Репортеры смаковали его светские развлечения, рекламировали роскошные приёмы во дворце на Лазурном берегу. Содержание его конюшен превышало 400 миллионов франков в год, и газеты кричали о доходах, приносимых ему его рысаками, которые выигрывали на скачках. Со страшным шумом в те дни сообщалось о сенсационном бракосочетании одного из его сыновей с голливудской кинозвездой. Почему же Ага-хана называли «живым богом»?

Полвека назад французский писатель Морис Баррес, путешествуя по странам Востока, попал в какую-то деревню, где группа крестьян с великим почтением совершала сложный молитвенный обряд перед портретом молодого мужчины, показавшегося Барресу знакомым. Писатель с удивлением узнал, что этому человеку в странах Востока поклоняются несколько миллионов верующих, которые чтут его как бога и своего духовного главу. Бар-

рис вспомнил, что это Ага-хан, живущий в Париже в шикарном отеле «Ритц» на площади Вандом. Во Франции его знали как завсегдатая скачек и пышных светских празднеств.

Парижский капиталист во фраке и цилиндре, капиталы которого размещались более чем в ста акционерных обществах, уже с детства был наследственным духовным главой крупной сети исламистов, живущих в Ираке, Пакистане и Средней Азии. Раз в год, почти всегда зимой, европейские газеты обычно фотографировали праздничное путешествие Ага-хана за океан к своим далёким последователям. На месяц он становился духовным пастырем и уезжал на Восток. По древнему обычаю исмаилиты во время большой религиозной церемонии ежегодно вносили ему особый налог из драгоценных металлов, бриллиантов и рубинов в таком количестве, сколько весил сам «бог».

Возвращаясь в Европу с мешком золота и драгоценных камней, Ага-хан менял пасторское одеяние на европейский костюм и снова принимался за крупные финансовые операции. В часы досуга он пополнял свои богатейшие коллекции картин и драгоценностей.

Имя Ага-хана в двадцатых — тридцатых годах было известно в горах Памира и Средней Азии. Он заправлял деятельностью богачей в советских горных районах. Ага-хан сам назначал туда своих пиров (священнослужителей). Они собирали с дехкан обязательный налог своему вождю и не реже раза в год отвозили его Ага-хану. Пользуясь своим религиозным влиянием, Ага-хан активно помогал контрреволюционным замыслам европейской буржуазии в Туркестане и Азербайджане. Англичане широко использовали секту исмаилитов в борьбе против Советской России. По директивам Ага-хана устраивались набеги и убийства, вредительские акты, шпионаж.

В начале августа или конце июля 1957 года восьмидесятилетний «живой бог» умер. Своим преемником еще при жизни он назначил одного из близких — двадцатилетнего внука Карима, европеизированного мусульманина с высшим инженерным образованием. Я видел его фотографию в одном из номеров «Dookota swiata»: он молод, красив и улыбается с заразительной весёлостью.

К нам приезжает миссис Элеонора Рузвельт, в качестве туристки.

Борис Домашников получил на фестивале серебряную медаль за один из своих пейзажей, изображающих вечер на городской окраине. Я всегда уважал его. Домашников и Пантелеев — самые талантливые из наших уфимских. Алеша Кузнецов тоже талантлив, но в другом ключе, более заурядном.

Ну, ещё Марциал. IX, 59:

Много и долго ходил у нас Оградой,
Там, где Рим золотой выставил клады свои.
Юных увидел рабов и съел их глазами своими,
Только не тех, что для всех выставлены напоказ;
Нет, он увидел таких, что потайно к продаже хранятся;
Их не увидит толпа или такие как я.

Зрелищем сыт, он и стол и круглый столик раскроет.
Вещь себе сверху велит кости блестящей достать
И, черепаший диван измерив четырежды, с грустью
Скажет: «Лимонный мой стол будет побольше, вот жаль!»
Бронзу ль увидит, нюхнет: Коринфа ли запах у вазы;
И Полеклета вещей он не одобрить готов.
Жалуясь, будто хрусталь нечистый, стеклом подмененный,
Десять он ваз отберет — мирру хранить — к стороне.
Цену старинных корзин узнает и спросит про кубки,
Где начеканен узор Ментора славной рукой.
То изумруды сочтет, в золотую втесненные вазу,
То на сережки глядит — женских ушей красоту.
Ищет на каждом столе настоящих он сардониксов,
Яшмовым крупным вещам цену назначит везде. . .
Минуло десять часов, и он, утомленный, уходит:
Купит посуды на асс и отнесет ее сам.

(Ментор — греческий скульптор и чеканщик IV в. до н.э., Поликлет — знаменитый греческий скульптор)

Десятая, 47.

Credo умеренного эпикурейца
То, что делает жизнь для нас счастливой,
Дорогой Марциал, здесь изложу я:
Деньги не от труда, а по наследству.
Поле тучное, дом без перемены;
Тяжбы-прочь, тога — редко, дух спокойный,
Силы твердые и здоровье телу;
Простота, но с понятием, дружба равных,
Легкость в обществе, стол без ухищрений,
Ночь не пьяная, но и без заботы,
Не пустая постель, но не с бесстыдством,
Сон хороший, чтоб ночь была короткой. . .
Что ты есть, тем и будь — зачем меняться?
Смерти дня не желай, но и не бойся!

Книга XII, 93

Муж присутствует, а нашлась Фабулла,
Как любовника ей целовать тут же.

Вот шута — дурачка в засос целует;
Напоенного страстным целованьем
Тут любовник берет; зацеловавши,
К госпоже его шлет, а та смеется.
Дурачек-то главнейший-муж, конечно.

Фригийские колпаки 1792 года происходят из древнего Рима. В праздник Сатурналий народ в знак свободы надевал особые войлочные шапки (пилеи). Такую же шапку надевал раб, которого отпускали на волю. Светоний рассказывает, что в таких шапках бегали по Риму в день смерти Нерона.

Марциал был всадник. Для принадлежности к этому сословию нужен был имущественный ценз в 40 000 сестерций. Среди всадников были "родовитые" и попавшие туда только по имущественному цензу — "новые" всадники. Всадником был и мекенат. Домициан возобновил закон о закреплении за всадниками четырнадцати первых рядов в театре.

Ну, вот, опять сегодня пустой вечер. Сейчас у меня два десятых класса, т.к. мой девятый ушёл на колхозную работу. На уборке заняты восьмые и девятые классы. Итак, у меня сейчас в неделю 16 уроков (но ставка в сентябре сохраняется полная, за 22 часа). Сегодня я дал 2 урока, по одному в каждом десятом. Проверил тетради по русскому языку одного из десятых классов. Прикончил эпиграммы Марциала и выписал статью про Ага-хана. Что дальше?

Стоит хорошая солнечная погода. Кругом свиньи, козы, куры, утки, индюшки. Урожай плохой. Картошка хороша. Мясо в эту зиму будет дешево — кормов нет. У школы две лошади, одну из них продают, чтоб купить корма для другой.

Учительницы рассказывают, что зимой в селе здорово пьют. Да и где не пьют в России? Пить начинают рано — как только уберут свеклу. Тотчас начинают гнать самогон, и все село превращается в кабак. То-то будет по кустам мужиков и девок, то-то будет расквашенных носов, подбитых глаз и вышибленных зубов! То-то будет нестройных песен под заплетающуюся гармонию!

Я постараюсь не пить совсем.

Сегодня четверг. Послезавтра, давши с утра 2 урока, я с одиннадцати выйду на шоссе. Проголосую — час до Толбазов — прыгну в переполненный автобус и часа в четыре, в пять буду в Уфе. Да хоть бы и в семь часов. Тотчас к Витьке и за стол! Увижу знакомые лица, будут смех, шутки...

6 сентября. Пятница. Дал два урока. Сажусь писать третью главу. По радио передают о книге искусствоведа Ильи Зильберштейна «Николай Бестужев и его живописное наследие». Николай Бестужев — декабрист, создавший в Сибири целую галерею ссыльных товарищей декабристов.

Илья Зильберштейн, наряду с Ильей Эренбургом, обладает картинами Пикассо.

10 сентября. Вторник. В субботу на попутном грузовике я отправился в Уфу. Это были четыре машины, которые везли стекло «с Усолки» (из Красноуфимска) в Уфу. Они прошли большой путь, моторы перегрелись, в радиаторе кипела вода, и в кабине было очень тяжело. Кстати, в Ново-Кармалах (где я когда-то работал) мы сделали объезд, там было написано: «Въезд воспрещен! Карантин! Сибирская язва!». Я сошел с грузовика за новым уфимским мостом и заплатил шоферу 20 рублей.

Через четверть часа я уже входил в дом Витьки Торопчина. Умылся, позвонил по телефону матери и сел за стол. Народу было свыше 50 человек. Шампанское, красное вино, затем водка — результат оказался плачевным. Свадьба удалась, но драк не было. Подарили много хороших вещей. Но я, уставший за день и голодный, очень быстро напился.

Воскресенье прошло в отдыхе, в понедельник я выполнял некоторые поручения, данные Бишкаинской школой. В понедельник Муся и Витя были в загсе. Он переименовал фамилию и стал Ивановским. Он совсем, в конце оскорблен поведением отца. Торопчин бросил семью, когда Витьке было уже лет двадцать. Витька очень любил отца, но остался с матерью. Торопчин приезжал, когда минувшей зимой Витя занимался анатомией своих кровеносных сосудов. Тогда я видел Торопчина у витькиной постели. Может быть, я предубежден, но он мне не понравился.

И вот теперь Витька послал отцу телеграмму, что женится. Торопчин живёт в Приютово — станция железной дороги, до Уфы ходит электричка. Однако он не приехал и не дал телеграммы, а вызвал Уфу по телефону и сказал, что у него больна жена, что он просит передать Вите поздравления (Вити не было дома). Весь клан Ивановых принял такое поведение Торопчина холодным презрением. Но Витька, очевидно, был особенно зол. Он решил сменить фамилию и перестать быть Торопчиным.

За воскресенье и понедельник я видел в Уфе много знакомых лиц, побывал в кино, заходил в редакцию «Советская Башкирия». Дважды приводил я домой Борьку Сороку. Это очень славный парень.

Ночью, в 3.20 по местному я сошел сегодня с поезда в Белом Озере, добрал пешком до Бешкаина и проспал до вечера. Самочувствие плохое.

Вечером. Пообедал, побывал на свежем воздухе, и стало лучше. Пишу при керосине. Все мысли еще в Уфе. Как я встал с бокалом в руке и коротко провозгласил: «Давайте напьемся!» — и напился. На утро Витька сказал мне, что они с Мусей всю ночь не спали. А в понедельник перед отъездом я заметил, что глаза у Муси обведены чёрными кругами. Была на свадьбе и Женя Гетнер. Уходя, она расплакалась, поцеловала Витьку и пожелала ему большого-большого счастья.

Из моих друзей и знакомых женились: 1) Алик Касимов, 2) Алик Глезер, 3) Шурка Охотников, 4) Гера Багаев, 5) Юрка Селезнев, 6) Ромэн Юсупов, 7) Саша Руденко, 8) Ефим Бугай, 9) Витька Торопчин, т. е. Витька уже Ивановский.

Из них только Алик Касимов и Геба выбрали себе девочек сомнительного достоинства. У прочих — хорошие жены. У Юрки Селезнева высокая красавица с античными чертами

лица. Две очень милых маленьких еврейских жены у Глезера и Бугая. Жены Шурки Охотникова и Ромэна Юсупова некрасивые, но славные и добрые. Жену Саши Руденко я почти совсем не знаю.

Элеонора Рузвельт на «ТУ-104» прилетела сегодня в Ташкент. Она пробудет в Узбекистане несколько дней.

13 сентября. Пятница. Вчера занятий не было и я со своими учениками дёргал свёклу на школьном участке. Сахарная свёкла — сахар и самогон! Ее возят грузовиками «в Усолку», на сахарный завод.

Новые хохмы. В турецком межлисе во время обсуждения законопроекта о новой избирательной системе произошла потасовка между депутатами правительства и оппозицией. После заседания многие депутаты вышли из зала в разорванных пиджаках.

Из городского банка в Йорке (Пенсильвания, США) была похищена крупная сумма денег. Полиция, прибывшая к месту происшествия, обнаружила во взломанном сейфе 518 долларов, оставленных грабителями, и записку: «Подходный налог».

Английская консервативная газета «Уэстер мейл энд Саут Уэльс ньюс» приводит фотографию с надписью: «И ему только два года». Подпись под фотографией гласит: «Двухлетний Барнет Кейсен из Чикаго, положив ноги на стол рядом с кружкой пива, развалился в кресле и с видом ценителя наслаждается сигарой. Его родители говорят, что их сын начал курить, когда ему исполнилось девять месяцев, но пить он стал после того, как несколько созрел».

Сейчас весь мир занят двумя крупными событиями в политическом мире: американские угрозы по адресу Сирии и успешные испытания советского межконтинентального снаряда. В Европе начинают говорить, что США — это колосс на глиняных ногах. Арабский Восток все более настраивается против США и служащей им Турции.

Воевать продолжают в Алжире и Омане. В Нью-Йорке ООН разбирает «венгерский вопрос». Доклад по нему сделан «комитетом пяти», председателем которого был датчанин Андерсен (во время войны сотрудничал с немецкими оккупантами), между прочим, правнук Ганса-Христиана Андерсена. Самое неожиданное то, что на этом обсуждении места для публики пустуют. Публика проявляет полное равнодушие к драме, разыгравшейся где-то за океаном. Тем более, что в Венгрии восстановлен status quo, и никакими речами изменить его не удастся. Поэтому всем ясно, что разбор дела преследует пропагандистские цели.

Венгры громко выражают недовольство этим разбором, шлют протесты с целыми томаами подписей. Им совсем не нравится, что их внутренние дела вытащили на белый свет. Они, кажется, примирились с Яношем Кадаром. «Не суйтесь в наши дела!» заявляют они. Даже Чепель, где в октябре был один из эпицентров восстания, выступил против этого разбора. Тем более, что в октябре-ноябре стреляли и бастовали не зря: рабочие кой-чего добились. Венгерские крестьяне, как известно, в мятеже не участвовали.

Венгерский мятеж был, возможно, как никогда в истории, порождением мозгового недовольства интеллигенции, студентов и грамотных рабочих. Характерно, что он произошёл после XX съезда КПСС. Мятеж был вызван (в какой-то степени) нетерпением, что эта либерализация не проводится в Венгрии (тут во многом виноват Матиас Ракоши, проявивший бездарность). Парадоксальное явление: лозунг мятежу дала Москва. На своем знамени инсургенты октября написали модное слово «Антисталинизм». Но в этот лозунг (только в этот) верили немногие. К движению за демократизацию управления тотчас приешался национализм, шовинизм, антисемитизм и реставраторские тенденции. «Я служил Хорти Миклошу, я настоящий мадьяр!» — слышались и такие крики. Били русских, евреев, румын. Зато поляки, югославы и корреспонденты с Запада принимались с восторгом. Постепенно идейные борцы, напуганные разгулом сволочи, выпущенной ими же из тюрем или вышедшей из подполья, отходили от восстания и с отвращением отбрасывали осквернённое оружие: оружие тотчас подхватывала сволочь. . .

Огонь был впервые открыт, когда толпа захотела занять Дом радио. Охрана стала стрелять, и это вызвало стихийный взрыв.

14 сентября. Суббота. Уже известен весь план атаки на Сирию: Турция, Ирак, Иордания, Израиль. Американцы с величайшей поспешностью перебрасывают оружие этим странам. После нападения планируется смена правительства в Сирии. Новое правительство немедленно примет доктрину Эйзенхауэра, американскую помощь и покровительство. Сейчас на границе Сирии сосредотачиваются турецкие войска. Анкара ведёт дипломатическое наступление на Сирию. Американские реактивные самолеты уже летают над Сирией. Сегодня по радио читали послание Булганина турецкому премьеру Мендерсу. Дескать, будьте добры, турки, не нападайте на Сирию, вы этим очень огорчите нас! Ей-богу, не нападайте, вы ведь не захотите нам сделать больно, не правда ли? Помните, что когда Кемаль Ататюрк основал республику, мы первые протянули вам руку. Будем друзьями, зачем нам ссориться? Интересное послание.

Во время суэцкого кризиса наше вмешательство помогло, а теперь? Ведь враги должны помнить наших лётчиков в Корее. Кстати, недавно и баллистическая межконтинентальная ракета испытана. . . Американцы пишут, что у нас под ружьём стоит целый Арабский легион, состоящий из русских, которые говорят по-арабски. Легион готов выступить по первому сигналу.

Израиль настроен страшно воинственно. Турция тоже громыкает всеми членами, но Иордания и Ирак вряд ли будут реально воевать против Сирии. Бить своих братьев — арабов и мусульман?

В Москве в ЦПКиО имени Горького открыта фотовыставка «Венгерский народ на пути социализма». Портреты героев 1848 года — Шандора Петери и Лайоша Кошута. Далее фотографии борцов Венгерской Советской республики. Фото: Ленин рядом с Тибором Самуэли.

Далее — период Хорти. Венгрию называли тогда «страна трёх миллионов нищих». Послевоенные пятилетки. В 1955 году промышленность Венгрии по сравнению с довоенным 1938 годом выросла в 3,5 раза.

Подготовка мятежа. Он не был случайностью, он назревал все лето 1956 года. Теперь мы, современники, можем отчётливо представить, как назревала революционная ситуация в 1789 году, разразившаяся штурмом Бастилии. Но тогда у народа были гораздо более веские основания для стрельбы, потому и продолжалась эта драма несколько долгих лет. — Вот на фотографии самодовольное лицо Форенца Надя, который отправляется из США самолётом в Вену для руководства контрреволюцией.

23 октября 1956 года — начало мятежа. Страсти разгораются, начинаются линчевания, громят книжные магазины, жгут книги. Из тюрем выпущены на свободу 9400 уголовников (воры, убийцы, грабители) и 3400 важных преступников и шпионов, на которых решили опереться мятежники. Венгрию объявили нейтральной.

Один мадьяр в газете писал, как тогда в начале ноября услышал по радио, что советского посла называют «господин Андропов». Это его поразило и возмутило. Уж если они там, в Будапеште, советского посла называют не «товарищем», а «господином», значит, действительно, с революцией покончено.

Турки сосредоточили на сирийской границе две пехотных и одну противотанковую дивизии. Наследный принц Ирака подбирает агентов для засылки в Сирию; агенты должны взорвать нефтепроводы в Сирии, после чего войска Ирака вторгнутся в Сирию под предлогом защиты нефтепроводов.

Король Хусейн вернулся в Амман (столица Иордании). По пути во дворец короля сопровождали 24 машины с вооружёнными солдатами.

В ночь на 13 сентября на острове Хоккайдо (Япония) наблюдалось Северное сияние. В Японии сейчас гастролирует наш балет. После "Бахчисарайского фонтана" восхищенные зрители забросали сцену букетами цветов.

15 сентября. Воскресенье. Ходил с утра на базар в Белое озеро. По дорогам даже в воскресенье едут машины, гружёные сахарной свёклой: через Белое озеро на Усолку, т.е. в Красноульск (райцентр Гафурийского района, по другую сторону железной дороги, район, соседний с Аургазинским. Крестьянки, идущие по шоссе на базар и с базара, подбирают упавшие с грузовиков свёклы и складывают в фартук. Стоит хорошая погода: яркая погода и свежий ветер, развевающий края распахнутого пиджака, закручивающий брюки на ногах и путающий волосы. Небо чистое, голубое. Вдоль шоссе порхает поздняя осенняя бабочка — мелкая и жёлтая. Цикады все ещё стрекочут. Телеграфные столбы под ветром то поют покомариному, то гудят как кипящий самовар.

На базаре много мяса, продают живых свиней и поросят. Крестьянки толпятся около тканей: их продают с прилавков и прямо с грузовиков. Мужчины бродят, заломив шапки, с цыгарками в зубах, с утра попахивая спиртным. На базар съезжаются не только на попутных грузовиках (это в основном для баб) и лошадях, но и на велосипедах, на мотоциклах.

Их множество. Каждый уважающий себя парень ездит на велосипеде, каждый зажиточный мужик имеет мотоцикл.

Я выпил два стакана абрикосового сока в станционном буфете — этот сок такой рыжий, вкусный и слегка пенится. На стене буфета табличка: «Распитие принесённых с собой спиртных напитков строго воспрещается». Ниже другая: «НЕ КУРИТЬ НЕ СОРИТЬ». На подоконнике пустая поллитровка из-под водки, на утренне чистых досках пола белеет свежий расплющенный окурочок.

Туда и обратно я шел пешком, чувствовал себя легко и привольно. Только грузовики, едущие по просёлкам параллельно шоссе (крупный гравий стирает шины), обдавали меня клубами густой пыли. Интересно смотреть: грузовик на просёлке поднимает чёрную тучу, как сажа, а на шоссе — светло-желтую.

Я уже написал третью и начал четвертую главу. Сегодня в «Советской Башкирии» должна была появиться моя зарисовка о сельской фельдшерице.

Атрий (atrium) — первая зала римского дома с отверстием в крыше.

4 октября. Пятница. Учительствую в Бишкаине, время от времени приезжаю домой. На жизнь не жалуясь, денег хватает, даже остаётся. Читаю кое-что, в основном Большую Советскую Энциклопедию, стоящую в кабинете директора школы. Из БСЭ я выписываю всё, относящееся к Антуану Ватто и его эпохе, так как задумал написать кое-что о нём. Выписал, например, Джон Лоу, Война за испанское наследство, Риго, Ларжильер, Одран, Жилло, Куапель (современники Ватто), Комедия масок, Адриенна Лекуврер, либертины, Вольтер и так далее. Там, в Бишкаине, я тоже веду дневник.

Вновь рассказывают, как холодно Ленинград встречал Хрущёва (никого не было на улицах) и как хорошо встретили Жукова.

Один американец на фестивале сказал: «В России очень много атомных бомб, лаптей и водки!»

Для 97-летнего Джона Рокфеллера по совету его врачей каждый день выпускали специальный номер газеты, по виду и по формату ничем не отличавшийся от «New York Times». Номер наполнялся оптимистическими статьями и телеграммами, сообщавшими, что экономическая депрессия скончалась, что безработных больше нет, что найден способ излечения рака, и т. д.

5 октября. Суббота. Сегодня радио сообщило, что вчера наши запустили искусственный спутник, который вращается на высоте 900 км и подаёт радиосигналы. Его можно видеть даже в бинокли в лучах восходящего и заходящего солнца. Уже второй раз в этом сезоне утёрли нос американцам. Как пишут на Западе, «русская луна взошла раньше американской». Лондон и Париж уже принимали сигналы спутника. Через некоторое время он упадёт и сгорит в более плотных слоях атмосферы.

Бразильцы переносят столицы из Рио де Жинейро в другой город: где-то в горах будет построен новый город, который будет называться Бразилия.

Ещё интересная деталь: после объединения Уфа, вошедшая в двадцатку крупнейших городов Союза, на военных картах Запада обведена красным карандашом. Раньше её обводили синим. Синий кружок обозначает объект, не заслуживающий бомбардировки, красный кружок — объект, достойный внимания. Моторы и нефть делают объединённую Уфу важным центром военной промышленности. Теперь в число городов Союза, подлежащих первому удару, входит и Уфа.

7 ноября 1957 года. Мой очередной приезд в Уфу. Праздник. Сорок лет Октября! Юбилейная сессия Верховного Совета. Два искусственных спутника Земли и отставка маршала Жукова — крупнейшие события кануна праздника. Вчера весь день транслировали по радио речи Хрущёва, Тольятти, Мао Цзе-дуна, Яноша Кадара, Гомулки и других. Со времён Коминтерна Москва не видала такого созвездия.

Мне в Бишкеке предложили вступить в КПСС.

Франсуаза Саган написала свою третью книжку «Dans un mois, dans un an», которая вышла в Париже тиражом 200.000 экземпляров (издательство Julliard). Это французский рекорд по книжным тиражам. Мировой рекорд единовременного издания принадлежит Хемингуэю (500. 000). Весь тираж молниеносно разошёлся, издательство готовит второе издание.

Критики, в том числе известный писатель Андре Мальро, отнеслись отрицательно к новому произведению Франсуазы.

В издательских сферах Парижа известен 40-летний Guy Schoeller, будущий муж писательницы. Французские читатели «Смутной улыбки» считают его прототипом главного героя повести.

30 декабря 1957 года. Позавчера утром пришёл я в Уфу, и тотчас мама сказала, что рассказ «Грубая ошибка» поставлен в номер. Это был сюрприз. Я уже ничего не ожидал от него. В воскресном номере на четвёртой полосе появился этот рассказ с прекрасным клишированным заголовком Антропова. Многие хвалили, в том числе опытные журналисты. За рассказ размечен гонорар в 500 рублей, весьма крупная сумма. 3-го января получу.

Новый год встречаю у Витьки Торопчика. Как бы не напиться!

Первый мой рассказ в печати. Надеюсь, не последний. Растут новые замыслы. Впереди забрезжили какие-то перспективы, хотя весьма ещё неясные. Не хочу радоваться преждевременно.

Я мечтаю не о славе и богатстве, а о таком положении, когда к моему слову не посмеет придраться ни один редактор, будут печатать беспрекословно. Мне нужно только «имя» и сносные условия для писания: квартира, книжные шкафы и заработок. Даже любви я не прошу больше у судьбы. Я отрекаюсь. Я согласен отречься. Я продаю душу дьяволу.

